

ВЕСТНИК
ГЕРМАНСКОЙ •
ЕПАРХИИ

РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ • 5
ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ • 1990

"О чем молчал колокол"

В дальневосточной газете "Красное знамя" появилось интервью под названием: "О чем молчал колокол". На посланной нам вырезке нет даты, но в тексте статьи указано, что события происходили в Уссурийске 24 августа с. г. В статье говорится:

Молчали колокола Свято-Покровского храма, когда подъехали к нему епископ Хабаровский и Владивостокский Гавриил и благочинный Приморского края игумен Амвросий. Не было и пышной, с цветами и хлебом-солью церемонии встречи. Более того здешние прихожане попросту не пустили их на территорию церкви. Что же произошло? На этот и другие вопросы мы попросили ответить настоятеля Свято-Покровского храма игумена ИННОКЕНТИЯ.

— Днем раньше, — рассказал он, — у нас прошло церковно-приходское собрание. Участники его единогласно решили выйти из-под юрисдикции Московского Патриархата, Хабаровской епархии и Владивостокского благочиния и перейти под святительский Омофор Высокопреосвященнейшего митрополита Виталия. Иными словами — под юрисдикцию Русской православной Церкви за границей, духовно-административный центр которой находится в Нью-Йорке. И причиной тому прежде всего послужило поведение епархиального епископа Гавриила.

— В чем же оно выразилось?

Приведу конкретный пример. Без нашего согласия и ведома он обложил Свято-Покровский храм непомерным налогом в сумме 80 тысяч рублей. И это сейчас, когда у нас идут реставрационные работы и в скором времени должны начаться строительные. Стыдно сказать, но в следующем году Уссурийску исполнится 125 лет, а крыша нашей церкви все еще зияет черными дырами.

Кроме того, мы крайне недовольны тем, что вынуждены втридорога продавать церковную литературу и предметы культа. Раньше же, когда мы снабжались Иркутским епархиальным управлением, товар наценялся всего на три процента. Очевидно, Владыке не хватает средств, и он изыскивает их любыми путями. Так что вся наша "сверх-прибыль" разошлась на приобретение в Хабаровской епархии товара и выплату ей налога. Аппетит же, как известно, приходит во время еды. И где гарантия, что останься мы в юрисдикции Хабаровской епархии, епископ не обложит нас еще большим налогом? Хотя кому-кому, а уж ему-то

должно быть известно, что сколько сочтет община нужным, столько и перечислит на нужды епархии средств. Гавриил может просить нас, но ни в коем случае не требовать, издав приказ за №40: "Мною установлен взнос..."

Кроме того, епископ бывает очень груб, жесток к духовенству и прихожанам, что вызывает обиды и горечь в сердцах верующих людей.

— Неужели только из-за личных качеств Гавриила вы решились на такой отчаянный шаг?

— Конечно, нет. Епископа можно в конце концов и поменять. А вот как с нарушениями уставов Святой церкви? Многие факты свидетельствуют о несоборности уже бывшей нашей Патриархии.

В июне в Москве проходил Поместный Собор Русской Православной Церкви. Название его происходит от слова "соборность", т.е. общность, единение, а не самочиние. Перед ним должны были пройти сначала приходские собрания, затем — всего благочиния и епархиальное, чтобы избрать депутатов. А на самом деле архиерей с благочинным единолично, без ведома клира и мирян сами себя "избрали" участниками Собора...

— Отец Иннокентий, если я вас правильно понял, то прихожане Свято-Покровского храма прервали всякое каноническое общение с Московской Патриархией как с организацией, скомпрометировавшей себя за последние годы?

— Да. Но это в какой-то мере нельзя расценивать как политический акт. Это наши внутрицерковные разногласия. И выходя из административного подчинения Московской Патриархии, мы остаемся такими же православными христианами, просто, если можно так выразиться, меняем начальство. А все прихожане были и остаются сынами и дочерьми нашей Родины...

— Сулит ли вам это какие-нибудь выгоды?

— Я вас понял. На финансовую поддержку из-за рубежа мы не рассчитываем. Хватит собственного дохода. Что касается снабжения церкви товаром, то производить его пока намерены на месте..."

Вверху: лития перед храмом Св. Равноап. Марии Магдалины в Дарм-Штадте, в день Свв. Новомучеников (см. стр. 6). Внизу: рядом с владыкой Марком, новорукоположенный о. Илья — слева на фотогр. — перед Св.-Николаевским храмом в Штуттгарте (см. стр. 9).

В редакцию "Вестника" пишут из Владивостока: "В статье еще не все." Однако возник вопрос, можно ли писать в нашем церковном "Вестнике" о недосказанном в статье и о том, о чем знают все на месте?

Впрочем, для церковных людей России бывший наместник Псково-Печерской Лавры, недавно ставший епископом Московской Патриархии Гавриил (Стеблукенко), печально известен такими делами, за которые другого человека привлекли бы к суду - как к церковному, так и уголовному. Иначе как оценить, например, избиевание монахов и священнослужителей? Но в существующей системе Московской Патриархии, крепко повязанной с соответствующими органами, таковым "наместникам" - "закон не писан". Человека, порочащего священный сан, сделали епископом.

Правда некоторые в этом видят лишь "почетную ссылку" - устранение скомпрометировавшего себя человека в знаменитую Сибирь. Но легче ли от этого сибирякам?

В рамках существующей системы в Московской Патриархии это, может быть, выглядит понятным. Но принять это, значит, забыть, что такое Церковь, чем она должна быть. Истинная власть епископа - высочайшее служение, даже в далекой Сибири и где бы то ни было. Повторный приезд, однако, такого епископа привел к тому, что церковные сторожа встретили представителя церковной власти - палками. Возмущаться ли недостаточным терпением, отсутствием добродетели смирения? Ведь так часто любят ссылаться на подобные святоотеческие добродетели, когда выгодно. Синод, "ссылающий" такого одиозного человека на епископство в Сибирь, разве не несет ответственности и за возникший конфликт на далеком сибирском приходе, и, более того - за унижение епископского сана? Надо понять: Церковь единый организм.

Что тут поможет привычка к отговоркам и компромиссам? О выходе давно говорит вся Россия. Покаяние. А в Церкви оно не нужно? Покаяние - одно из условий перехода священника Московской Патриархии в лоно свободной Русской Церкви. Мы не можем здесь разбирать все лукавство заявления от 18.07.1990 г., переданного АПН. Скажем только, что новоизбранный Патриарх Алексий трактует "Положение о приходах Свободной Российской Церкви" (см. стр. 10 в этом номере) как отмену некоего "решения не вмешиваться в дела Московской Патриархии" - решения, которого никогда не существовало. Кроме того он утверждает, что Зарубежная Церковь выдвигает какой-то "ультиматум" с требованием "публичного покаяния всех священников Патриархии", причем, по его словам, такие "условия" - "просто неэтичны".

Но это светский, нецерковный язык. Этично ли покаяние? Этично ли свидетельствовать

Истину? Ведь в вопросе покаяния идет речь не просто о какой-то группировке людей, а о самой Истине. И не Зарубежная Церковь "требует" покаяния себе, а сама церковная Истина требует такого признания. Признать эту Истину, значит отказаться от той "истины", которую утверждали до сих пор: покаяться в ней. Не следует отказываться от церковного видения и "индивидуализировать" вопрос. Дело не только в том, что принадлежность священнослужителя к Московской Патриархии есть в той или иной мере служение - пусть даже невольное - ее "истине", от которой и надо отказаться во всеуслышание ради Истины. Дело еще и в том, что евхаристическое общение не внешний или несущественный акт.

Повторим, оставляя эту тему на будущее: Церковь единый организм, и только живя в покаянии мы идем христианским путем. Не защищаться от покаяния надо, а воспринять всю глубину его как ответственность за жизнь организма Церкви. Да, покаяние есть покаяние перед Богом, но всегда и перед Церковью. И при каждой частной исповеди присутствует священник, который называется "свидетелем" (не судьей). А о каком-то всегда говорится в молитве: "примири и соедини его Святей Твоей Церкви". Покаяние всегда - примирение и присоединение к Церкви Святой. Но в некоторых особых случаях "свидетелем" должен быть не только священник, но и все Тело Церкви - церковный народ, который назвать "публикой" действительно "неэтично". Такая ясность и очищение необходимы для оздоровления жизни всей Русской Церкви.

Надо и еще объясниться в понятиях. Для нас Московская Патриархия в ее сергианской сущности не тождественна с подлинным организмом Русской Церкви. Смешение же этих двух понятий вредоносно для Церкви, ибо под личиной, именуемой "Московской Патриархией", десятилетиями на самом деле скрывается спрут, душащий Русскую Матерь-Церковь, высасывающий из нее жизненные соки и отравляющий ее.

В Германии пала берлинская стена, исчезла колючая проволока. Но эту проволоку ощущал не только немецкий народ. Она прошла и по телу нашей Германской епархии. Приходы оказавшиеся в зоне советской оккупации были присоединены к Московской Патриархии. В том числе берлинский собор, уже в западном секторе. Возникла иерархия Московской Патриархии на германской территории, распространявшая свою деятельность и на Западную часть Германии. Но разделение (раскол?) Германской епархии

после Второй мировой войны было лишь поздним и не столь уж значительным следствием того, что еще в 1927 году с помощью митрополита Сергия (Страгородского) советской власти удалось воздвигнуть подобие знаменитой берлинской стены с присущими ей атрибутами, колючей проволокой и автоматчиками - внутри Русской Православной Церкви. Если уж произносить это слово "раскол", то вот он и есть. (И это был не раскол между зарубежной, то есть свободной частью Русской Церкви, и той частью Церкви, которая находилась в СССР, ибо и на родине многие отвергли этот шаг и ощутили - первыми - шипы этой проволоки на себе. И их мы называем Новомучениками.) Остальное все - следствия.

Однако, спруту ни проволока ни стена, не мешали... А Московская Патриархия на Западе утверждала, что она - единственная, кто может представлять Русскую Церковь. И от ее имени еще вчера говорили о беспроblemности сосуществования Церкви и государства, о полнейшей свободе веры в СССР, объявляли мучеников политическими преступниками, обвиняли нас в преувеличениях, лжи, политиканстве... Сегодня те же самые представители говорят о Церкви-мученице, которую они - чуть ли не сами "мученики" - "спасли", для которой (конечно же через их руки) нужна финансовая помощь. И получил от западных немцев митрополит Питирим 22,5 миллиона марок для Иосифо-Волоколамского монастыря. Тот самый Питирим, который некогда объявлял преподавание Закона Божия насилием над совестью малолетних, который в брошюре "Моя вера свободна" нападал на нашу Церковь за прославление Свв. Новомучеников.

Мы считаем унижением для Русской Церкви, когда таких людей принимают за свидетелей нашей Матери-Церкви. Мы знаем, как они действовали против нас и как звучное название "Московская Патриархия" маскировало стремления власти разрушить Русскую Церковь, страдания которой суть наши страдания. Возможно, что в России, где-то на приходе, кое-что видится иначе. Но близится час выявления всей истины.

Что должно значить для нас, если на "свободных выборах" в Патриархи всея Руси выходит именно тот, кого Фуров в своем отчете из "Совета по делам религий" еще в 1974 г. предвещал как наилучшего кандидата? И это еще не самое худшее, в чем его упрекают...

В Германии после падения стены всплыло много тайного, чего не успели уничтожить. И оказалось неизмеримо важным, что были люди, не давшие себя обольстить, которые

противились спруту, принципиально и до конца. Пала стена - и правда приобрела силу. Сотрудничество в госбезопасности оказалось не доблестью, а пороком. И началось очищение. Комиссия по разбору дел предложила уйти пятнадцати восточногерманским парламентариям, которые прошли через все фильтры предвыборной кампании и были выбраны на действительно свободных выборах... Если такое очищение требуется в политике, в государстве, тем более оно требуется в Церкви. Тело Христово чуждо порока, и свет церковной Истины никогда не принимал и не примет его.

Это страшное слово - раскол! Тогда, когда воссияет соборность и суд церковный, никто не заговорит о расколе, а прекратится раскол. Как не верить в это падение нашей "стены", в снятие - не нами воздвигнутых - преград? Как не молиться, не вопиять Господу об этом? Но стену не преодолевают по команде из "Совета по делам религий", наподобие последних московских попыток "сближения" - и не удивительно, что оно кончилось новыми обвинениями в "расколе", запугиванием нетвердых... Невидимая, духовно зримая стена еще стоит. Надо противостоять соблазну мнимых единений.

Не в нашей власти было разрушить берлинскую стену, не в нашей власти, разрушить и эту. Мы не приняли и не примем ни ту - ни другую. Поэтому для нас Русская Церковь, к которой мы нераздельно причисляем себя, не то же самое, что "Московская Патриархия". Также как мы не отождествляем с "Московской Патриархией" тех, кто, к несчастью для себя, под этим "руководством" живя, трудятся на благо Русской Церкви, ожидая "падения стены".

И в Германии, однако, стена не упала сама. Ее одолели не только демонстрации, но и массовые переходы границы в то самое время, когда в Западной Германии многие были готовы увековечить раскол. В кратчайший срок для них перевернулся целый мир. А мы всегда знали, что рано или поздно так должно произойти. Но все же даже нам, знавшим, сегодня как-то странно на машине проезжать через бывшую "советскую зону", через которую доселе только на самолете в Берлин летали. И странно, что в храмах, принадлежащих к нашей Германской епархии - священники "Московской Патриархии", обвиняющие нас в "расколе"...

Двадцать и десять лет назад, год назад, я смотрел на эти непреодолимые стены, проволоку колючую, зная что под водой в каналах стальные щетки с шипами, для тех, кто попробуют прорыгнуть... Знал, что и

мне путь "туда" закрыт. Теперь, дивясь, гуляю со своим другом священником из Москвы между двумя заборами вдоль канала. Вышки пусты. Ни окрика, ни выстрела.

А ведь не такое же, как окрик, и не такое же, как выстрел - это слово: "раскол"?

Новоизбранный Патриарх в Москве произнес это слово. А я, простой священник, знаю: это - выстрел, который должен убить наповал, вот здесь, у все той же нашей стены.

Чтобы сказать такое - в нашем веке, и для нашей многострадальной Церкви - надо сердцем забыть, что Господь воскрес.

Христова истинная Церковь, страждущая на Голгофе, и воскресающая во славе, знать не хочет этого вашего "раскола".

Еще длится ночь, "долгая, долгая", которую провидел и предсказал Святейший Патриарх наш Тихон. Как Христос воскрес - не знают, ни мироносицы, ни ученики, ни стражи... Но, прикоснувшись Его ранам, нет сомнения: Воскрес! И Церковь наша Мать-Церковь с Ним, в Нем, в Его воскресении живет.

Вот о чем молчат колокола в Великую субботу. Вот о чем они благовестят в Воскресный День.

Священник Николай Артемов

Архимандрит Юстин

Толкование на Св. Евангелие от Матфея

Глава 4 Испытание Иисуса Христа

Тогда Иисусъ возведенъ былъ Духомъ въ пустыню, для искушенія отъ діавола.

4,1

Крещение Христово показывает, что в этом мире и над этим миром первая и важнейшая реальность - это Троичный Бог. А испытание Христово показывает, что есть другая главная реальность в этом мире: дьявол. Между этими двумя реальностями стоит человек как третья реальность. Хотя немного духовно зрячий человек непременно чувствует существование и той и другой реальности: как Бога, так и дьявола. А когда человек истинно поверит в Господа Иисуса Христа, тогда он духовно полностью прозреет и ясно увидит обе реальности. И если он обретет большую евангельскую ревность, то он смелее встретит все искушения, нападающие на него из черного царства греха и смерти. Если же он исполнится Духом Святым с помощью Божественных добродетелей, то он станет бесстрашным борцом и непреодолимым победителем во всех сражениях с дьявольскими искушениями. И он преодолеет дьявола как орел комара, ибо из всех его злых дел выводит Божественное добро Христово, которое неизменно сильнее.

При крещении Дух Святой снисшел на Иисуса; и Иисус предает Себя всего Духу Святому, чтобы он Его вел и руководил Им. И Дух на самом деле ведет Его. Куда? Прежде всего *въ пустыню, для искушенія отъ діавола.*

Этим нам открывается тайна новой жизни: при крещении происходит Богоявление, человек исполняется Троичным Божеством

и больше не живет для себя и не располагает собой, но в нем живет и располагает им Дух Святой. Крещеного Дух Святой сразу выводит на поле брани: чтобы он в борьбе с дьяволом и его искушениями испытал божественное оружие, полученное при крещении. А поле брани - это весь земной мир, где *дьяволъ ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить* (1 Петр. 5, 8).

Св. Златоуст говорит: Поскольку Христос все делал и терпел ради нашего просвещения, то и тут Он допускает, чтобы Дух Святой вывел Его в пустыню и поставил на борьбу с дьяволом. И это ради того, чтобы никто из крещеных не смутился как бы чем-то неожиданным, когда после крещения на него нападают большие искушения, чем прежде, а мужественно переносил бы всякое искушение как нечто обычное. В самом деле, ты получил оружие не для того, чтобы лениться, но чтобы вступать в бой. Вот почему Бог не препятствует появлению этих искушений. Во-первых, Он допускает их, чтобы ты осознал, что стал намного сильнее; во-вторых, чтобы ты пребывал в смирении и не гордился размером даров, видя, что искушения могут тебя смирать; в-третьих, ради того, чтобы злой дух, видя сколько ты терпишь в искушениях, убедился, что ты полностью его оставил и отступил от него; в-четвертых, чтобы этим путем ты стал тверже и крепче железа; в-пятых, чтобы ты получил ясное свидетельство о благе, которое тебе вверено.

Дьявол по всему и во всем представляет противоположность Богу. Бог есть Свет, Истина, Правда, Любовь, Добро, Мудрость;

дьявол - все противоположное этому: тьма, ложь, неправда, ненависть, зло, безумие. Так как Бог есть олицетворение вечного Добра, так дьявол - олицетворение непреходящего зла. В борьбе против Бога главное его оружие - это клевета. Этим он наиболее известен в роде человеческом. Свое дело на

земле среди людей он начал еще в раю клеветой на Бога (Быт. 3, 4-5). В этом деле он непревзойден в выносливости и беспримерен в лукавстве. Оттуда ему и имя: дьявол, ибо дьявол - *diabolos* - означает: клеветник, хулител, противник.

Преп. Исаак Сириянин

Сотница вторая*

40. Когда пожелаешь кого наставить на добро, упокой его сперва телесно, и почти его словом любви. Ибо ничто так не преклоняет человека на стыд, и не заставляет сбросить порок свой и перемениться на лучшее, как телесные блага и честь, какую видит от тебя.

41. Добродетель удаления от мира состоит не в переселении тела, но в устранении от мирских дел, чтобы не занимать ума своего миром.

42. Других невольными скорбями Бог приводит к добродетели, но соразмерно лишений, страданий и скорбей. Он к душе скорбящего являет великое человеколюбие.

43. Выше всех добродетелей - рассудительность.

44. Всякая добродетель - крест, ибо встречает она жестокие и сильные скорби.

45. Обличай силою добродетелей твоих, а не убедительностью слов.

46. Добродетель ума смиряет душу и очищает ее от грубых губительных мыслей, чтобы душа пребывала в созерцании.

47. Дело сердца - размышление о Промысле, непрестанная молитва сердца, сохранение от страстей.

48. Когда зеваешь, закрой уста свои (если удержишь дыхание, зевота пройдет).

49. Не рассматривай в чужой кельи, что там есть.

50. Беседуй кротко, смотри целомудренно. Идя дорогою, не опережай старших тебя.

51. Ни с кем не входи в суд, а осужденный - терпи. Покорствуй правителям и начальникам и удерживайся от близости общения с ними. Бегай охоты учить, не живи с гордыми. Человеку лукавому и бесстыдному ничего не давай и от него ничего не бери.

52. Смирennemудрый не изумляется, не смущается и только так говорит: "По воле Твоей, Господи, да будет со мною."

53. За смирennemудрием - воздержанность, а за тщеславием следует блуд и

гордыня, мятеж помыслов, осквернение сердца.

54. Милосерд тот, кто не скорбит об отнятом от него и не рассказывает об ущербе.

55. Кто истинно смирennemудр, тот, будучи обижен, не возмущается и не говорит ничего в свою защиту о том, в чем он обижен, но принимает клеветы, как истины, и просит прощения, а не старается уверять людей, что он оклеветан.

56. Ничто не может так приблизить сердце к Богу, как милостыня. Когда подаешь милостыню, подавай с великодушием, с ласковостью на лице, и снабди в большей мере, нежели сколько просил.

57. Но избегай стяжания по нищелюбию: у одного просить, а другому отдавать, ибо милостыня подобна воспитанию детей, а безмолвие - верх совершенства.

58. Если ты не миротворец, то не будь хотя любителем мятежа.

59. Трезвение помогает человеку больше, чем дело, а распушение помыслов вредит ему больше, чем покой телесный. Каждый давший волю чувствам, дал волю и сердцу (духу), ибо делание сердца служит узами для внешних чувств. Кто с рассуждением, тот не связан телесными выгодами, не любит чревоугодия, не раздражается.

60. Соломон просил мудрости, Елисей сугубой благодати Духа, и ты проси (Духа) и не земных благ, а вечных. Ибо вельможи Царя - Ангелы и Архангелы изумляются и радуются, что во плоти просишь духовного.

61. Свидетельство ума состоит в том, что человека ни мало не осуждает совесть, будто бы вознерадел о чем-либо таком, к чему обязан по мере сил своих.

62. Ведение помогает приходить к вере, "егда же придет совершенное (вера), тогда еже от части (ведение, знание) упразднится" (1 Кор. 13, 10).

63. При первой степени ведения оно следует плотскому вожделению: богатство, тщеславие, телесный покой, изобретения (это

*Продолжение. Начало см. Вестник 3/1990.

видимо материализм). Оно именуется голым ведением, ибо исключает Божественное попечение. Вносит в ум неразумное бессилие и все его попечение - о сем только мире.

64. Человек все приписывает себе и отвергает Божий Промysl. Это ведение порождает страх за тело, малодушие, печаль, боязнь людей, разбойников, смерти, болезни, зверей. В сем-то ведении насаждено древо познания доброго и лукавого, искоряющего

любовь. Апостол сказал о таком ведении: "Разум убо кичит" (1 Кор. 8, 1), ибо это ведение не растворено верою в Бога и надеждою на Него, и не знает истины, и не способно творить добродетели.

65. Естественное ведение - рассудительность приводит к вере в Бога, а вера порождает духовное ведение - ощущение сокровенного - веру созерцательную.

Из жизни Епархии

• 16 и 17 июля н. ст. Преосвященный Епископ Марк служил всенощную и литургию в день святых Царственных новомучеников в церкви св. Марии Магдалины, выстроенной государем Николаем II, в Дармштадте. Кроме членов дармштадтского прихода на богослужения собрались верующие из ближних и дальних приходов, а также члены нашей Церкви из России. (Из Екатеринбурга нам сообщили, что и там в этот день собрались и молились члены нашего свободного прихода на месте убиения Царственных мучеников.) Во время всенощной, при хорошей погоде, была отслужена лития и совершен крестный ход вокруг церкви. Служба отличалась особой торжественностью благодаря пению прекрасного мужского хора, специально

прибывшего по этому случаю в Дармштадт.

• 5/18 июля был престольный праздник в церкви св. Сергия Радонежского в Бад Киссингене. Всенощная накануне и литургия в день праздника были отслужены преосвященнейшим Марком в сослужении о. Иосифа Вовнюка из Эрлангена. После литургии был совершен крестный ход вокруг церкви.

• Наша церковь в Гамбурге посвящена святому Прокопию, юродивому во Христе и чудотворцу Устюжскому и Новгородскому,

Крестный ход в Гамбурге

происхождением из Любека. Престольный праздник св. Прокопия празднуется в тот же день, что и праздник иконы Божьей Матери Казанской 8/21 июля. Он пришелся в этом году на субботу. В этот день служение совершал Преосвященнейший Марк в сослужении прот. Амвросия Бакхауза, иереев Венедикта Ломанна из Гамбурга, Серафима Корффа из Ганновера и Андрея Бирона из Копенгагена, а также архидиакона Агапита.

Церковь св. Прокопия в Гамбурге уже некоторое время находится в состоянии реставрации, которая требует больших расходов. Епархия деятельно участвует в собирании средств на ремонт.

Накануне праздника владыка Марк беседовал с членами приходского Совета, а также с отдельными верующими, информируя о жизни и заботах прихода. После праздничной трапезы епископ Марк поделился с присутствующими впечатлениями от своей поездки в Россию и затем на Святую Землю, касаясь также важных вопросов жизни нашей Церкви.

• Из Гамбурга Преосвященнейший Марк совершил поездку через восточную часть Германии в Берлин - в первый раз на автомобиле, до сих пор приходилось всегда летать на самолете. В Берлине владыка Марк служил Божественную литургию, а после

воскресной службы посвятил много времени обмену мыслями с членами берлинского прихода.

Наша епархия никогда не примирялась с разделением Германии и не признавала его. Глава епархии неизменно носил титул епископа Берлинского и Германского. В связи с освобождением восточной части Германии наш приход в Берлине обретает еще большее значение, чем раньше. Берлин стал легче достижим и епархиальный епископ сможет в будущем снова чаще там бывать и сам заботиться о наших церквях, как в Берлине так и в до сего времени недостижимых частях Германии.

• 26 и 27 июля/ 8 и 9 августа, на престольный праздник св. Великомученика и целителя Пантелеимона владыка Марк совершал богослужения в приходе посвященном этому святому в Кельне. Всенощная состоялась в церкви св. Великомученика Димитрия, а Божественная литургия - в церкви св. Троицы, в которой местный приход по воскресеньям обычно собирается на богослужение. За долгие годы в первый раз состоялось архиерейское служение в этом приходе на престольный праздник. Хотя это был будний день, собралось много прихожан. Преосвя-

Владыка Марк, слева о. Иоаким из Сибири, справа о. Христофор из Уганды.

щеннейшему сослужил настоятель прихода о. Божидар Патрногич и один из сибирских священников принадлежащих к нашей свободной Церкви, - о. Иоаким Лапкин, который как раз в это время гостил в Германии, а также о. Николай Визе.

В своей проповеди владыка Марк остановился на значении веры в чудо как раз в наше технологизированное и демифологизированное время и предупреждал об ошибочности веры в собственные, человеческие силы, а не во всемогущество Божие, которое легко забывается или отстраняется современным человеком, даже в вопросах личного здоровья.

После праздничной трапезы владыка Марк рассказал собравшимся членам прихода об Архиерейском соборе в мае с. г. в Канаде и о своей поездке в Россию. При этом он подчеркнул, что наша Церковь ни в коей мере не "миссионировала" в России. Лишь происходящие там события и настойчивые просьбы верующих заставили принять желавших того священников и верующих под омофор нашей свободной части Русской Православной Церкви, так как Московский Патриархат настолько скомпрометирован своим служающим состоянием под атеистическим режимом, что многие священники и верующие со стыдом отворачиваются от него. В создавшейся ситуации мы, как свободная часть

Русской Православной Церкви не можем равнодушно стоять в стороне и допустить образование некоего вакуума, который заполнили бы униаты и сектанты. Мы принуждены принять на себя ответственность. Как наша Церковь в годы после революции взяла на себя управительные обязанности на юге России, до того, как она вынуждена была уйти в эмиграцию, так она возвращается сейчас на свою историческую территорию. Этим мы можем внести активный вклад в дело оздоровления русского народа и его Церкви, которая была в труднейшем положении в течение этих семи десятилетий коммунистического террора.

• Вечером 27 июля/9 августа владыка Марк остановился во Франкфурте-на-Майне и прочел собравшимся прихожанам доклад на ту же тему.

• 2 и 3 августа владыка Марк посетил скаутский лагерь, устроенный, как и в прошлые годы, в Баварском лесу между г. Пассау и чешской границей. Вечером владыка, приехавший в сопровождении о. Иоакима Лапкина, отслужил всенощную, после чего почти все участники лагеря пошли на исповедь. Позже владыка участвовал в беседе у костра. В этот вечер пришли через чешскую

Божественная Литургия в лесу.
Русские скауты в летнем лагере.

границу гости-скауты со своим православным священником. На следующее утро все собрались на литургию в церковь, построенную скаутами в лесу. После Божественной литургии и завтрака владыка Марк и о. Иоаким провели со скаутами духовную беседу.

• С Божьей помощью наша епархия приобрела в августе нового священника. Иподиакон Илья Лимбергер был рукоположен 5 августа н. ст. в Мюнхенском Свято-Николаевском соборе во диакона. Рукоположение во иерея владыка совершил 12 августа н. ст. в Свято-Николаевском храме в Штутгарте. Там молодой священник и будет в дальнейшем служить. О. Илья в мае этого года окончил Мюнхенский университет по кафедре математики и информатики. Он записан и учится на заочном отделении Богословского факультета в Белграде. В течение последних нескольких лет он принимал деятельное участие в богословских курсах, которые проводятся под руководством епархиального архиерея в монастыре преп. Иова Почаевского в Мюнхене. В том же монастыре о. Илья прошел и практику служения. Отец Илья женат, у него уже две маленьких дочери. Желаем ему и его семье Божьего благословения и помощи на новом поприще служения Церкви.

Рукоположение о. Ильи в иереи.

• На праздник Преображения Господня 6/19 августа Преосвященнейший Марк служил Божественную литургию в Преображенской церкви в Баден-Бадене. Накануне вечером он отслужил всенощную в

Литургия в Баден-Бадене.

Штутгарте с новопосвященным о. Ильей. В Баден-Бадене ему сослужили настоятель храма прот. Миодраг Глишич и свящ. Иоаким Лапкин, а также диакон Георгий Кобро.

О жизни нашей Церкви в России

Во время заседаний Архиерейского Собора мая сего года вопросы, касающиеся принятия клириков и приходов Московской Патриархии в лоно Свободной Российской Православной Церкви занимали центральное место. Среди прочего возник вопрос о чине принятия клириков и приходов. Архиерейский Собор получил от клириков в России проект положения о приходах Свободной Российской Православной Церкви и принял этот проект с незначительными изменениями. Наверное этот документ нельзя рассматривать как окончательный - он будет со временем разрабатываться на основе практического опыта. Однако поскольку это положение представляет документ присланный из самой России, оно отражает мышление наших клириков там - и мы считаем полезным ознакомить наших читателей с ним. **Ред.**

Положение о приходах Свободной Российской Православной Церкви, принятое Архиерейским Собором Русской Православной Церкви Заграницей

I. Российские Православные приходы не являются самостоятельной или новой иерархической структурой, они находятся в евхаристическом общении, в юрисдикции и подчинении Русской Православной Церкви за границей, возглавляемой ее Первоиерархом Митрополитом Виталием и являющейся

хранительницей неповрежденного Православия и традиций Российской Православной Церкви.

II. Они не должны вступать в евхаристическое общение с Московской Патриархией, доколе она не отречется от декларации митрополита Сергия; не раскается

в заблуждениях, за ней следовавших, не отстранит от своего управления иерархов, скомпрометировавших себя антиканоническими и аморальными проступками, замешанных в коррупции и казнокрадстве, поставленных посредством вмешательства мирских властей, а также допускавших искажения в богослужебной практике Русской Православной Церкви.

III. Они не могут молиться о гражданской власти, доколе руководящей и направляющей силой ее является КПСС, имеющая богоборческий антицерковный устав. Однако допускается молитва об отступивших только на ектении, "отступившим от Тебе явлен буди", но не на проскомидии.

Причины возникновения

Российские Православные приходы возникли из-за окончательно к настоящему времени парализованного и нераскаянного состояния иерархии и клира Московской Патриархии, отступивших от чистоты Православия через принятие декларации о лояльности богоборческой коммунистической советской власти в 1927 г. митрополита Сергия, узурпировавшего церковную власть в России.

Основными заблуждениями Московской Патриархии после Декларации 1927 г. являются:

1. Отвержение иерархов, клириков, монахов и мирян, не принявших декларацию, что повлекло за собой массовый террор и убийство их со стороны безбожной власти.

2. Попрание памяти Свв. Новомучеников и Исповедников.

3. Сотрудничество с безбожной властью даже в деле закрытия церквей, подбострастное служение ей и общественное моление за укрепление власти, борющейся против веры и Церкви.

4. Искажение таинств, обрядов, проповеди и небрежение в распространении Слова Божия, отказ от катехизации, приведшая массы мирян к невежеству и к поверхностному восприятию христианства.

5. Участие в экуменическом движении, в созидании всемирной "церкви", объединяющей все ереси и религии, и принадлежность к Всемирному Совету церквей.

6. Подчинение мирским безбожным властям и допущение участия их и управления ими внутрицерковной жизни, вплоть до прямого управления с целью нарушения веры.

7. Отрыв иерархии и клира от паствы, небрежное и горделивое отношение к мирянам, в нарушение апостольского заветования священнослужителям: не господствуй, а будь примером.

8. Широко распространившаяся нравственная распущенность и сребролюбие духовенства.

9. Антиканонические перемещения епархиальных архиереев по произволу, а также священников.

Церковно-приходская жизнь

Основными руководящими правилами и законами Российских приходов являются действующие:

- постановления Русской Православной Церкви до декларации митрополита Сергия 1927 г.

- постановления и определения Архиерейского Собора и Синода Русской Православной Церкви за границей. Сношения с гражданскими властями по гражданским правам и по общественным вопросам исключают какие-либо уступки им, подчиненность и подотчетность в вопросах вероисповедания.

Российские Православные приходы имеют право давать нелицеприятную оценку общественным и политическим событиям только с точки зрения Евангелия и христианско-православной нравственности, но участвовать в политических делах - отказываются.

Они исключают неуважительное отношение к представителям других религий. Совместные молитвы с инославными и иноверными категорически исключаются.

Клириками Российских Православных приходов являются священнослужители Русской Православной Церкви, перешедшие через письменное и публичное покаяние в юрисдикцию Русской Православной Церкви за границей, а также принявшие духовный сан от ее иерархов.

Все клирики Российских Православных приходов приносят клятву о недоносительстве.

Клирик, находящийся за штатом или под запрещением за антиканонические или аморальные проступки, в общение не может быть принят. Это положение не распространяется на прещение за обращения клириков к Русской Православной Церкви за границей или гонимым на неканонических основаниях за критику отступничества иерархии Московской Патриархии.

К клирикам Московской Патриархии отношение должно быть как к отступившим, заблудшим братьям, не принимая их в сослужение, как бы находящимся под запрещением "впредь до покаяния", не допуская, впрочем, надменного к ним отношения. К мирянам отношение должно быть снисходительное, как к отошедшим от истинного Православия не волею, но по независящим от них обстоятельствам.

Вознося свои молитвы "о соединении всех", Российские Православные приходы уповают на раскаяние ожесточившейся и закосневшей в своих отступлениях Московской Патриархии, молятся и надеются на скорое объединение всех чад русской Православной Церкви как в России, так и в рассеянии, что будет радостным событием.

Возможная форма обращения клириков от заблуждения Московской Патриархии

1. Обращение клирика к архиерею Русской Зарубежной Церкви с просьбой

о принятии его в общение через покаяние в сергианстве и соответствующая резолюция от архиерея Зарубежной Церкви.

2. Покаяние клирика перед народом с амвона во время часов.

3. Обращение к своему приходу с разъяснением заблуждений Патриархии.

4. Покаяние прихожан за следование заблуждениям Московской Патриархии и за свои возможные церковные проступки.

5. Приглашение клириком желающих мирян следовать за пастырем и присяга их верности своему священноначалию через целование креста и Евангелия.

6. Заключение клириком нового трудового соглашения с приходом по образцу прежнего.

7. Извещение о факте перехода епархиальной власти Московской Патриархии и мирских властей.

Интервью

Летом текущего года в Германии гостил протоиерей Иоаким Лапкин, клирик нашей Церкви в Сибири. Он посетил несколько приходов нашей епархии знакомясь с церковной жизнью в условиях свободы.

Мы попросили его рассказать о состоянии церковной жизни в России и о впечатлениях, вынесенных им из его поездки по Германской епархии.

Отец Иоаким Лапкин

Вопрос: Отец Иоаким, в этом году в Вашей жизни произошло знаменательное событие. Вы перешли под омофор Русской Зарубежной Церкви. Расскажите нам пожалуйста, что побудило Вас сделать такой ответственный шаг?

Ответ: Еще задолго до подачи нашего прошения в Синод РЗЦ мы, т.е. те священнослужители из Сибири, которые перешли сейчас под омофор РЗЦ, всегда искали выход из той кризисной ситуации, сложившейся сегодня в Русской Православной Церкви в России. Когда большинство канонических норм нарушаются, начиная от первого таинства, крещения, которое совершается даже не через обливание, а через мочение лбов. Я всегда старался как-то противостоять этому, приблизиться хотя бы к соблюдению канонических норм, но всегда встречал сопротивление от правящего архиерея и старших священнослужителей. Я, конечно, этому противился. Больше доверял не авторитету человеческому, но авторитету Божию и авторитету святых отцов, которые для нас

составили правила. Но очень трудно бороться против такой силы и за все годы служения на этом я много, как говорится, получил шишек.

До 1987 года на Омско-Тюменской кафедре был архиепископ Максим. Это был архиерей, который, в общем-то, заботился о Церкви о благолепии церковном, о нравственном состоянии священнослужителей, поэтому при нем еще можно было жить. С ним можно было встретиться и, допустим, обсудить какие-то вопросы. Он даже шел на встречу и помогал в чем-то. То есть, было какое-то понимание с его стороны. Но ведь архиереи живут, как говорится, как жаренные караси на сковородке: надо и власти угодить, надо не обидеть и тех заслуженных протоиереев, которые на своем месте живут с властью рука в руку, а поэтому, если они восстанут против него, то его могут и перевести на другую, худшую кафедру. А если есть у архиерея еще и страх Божий, он верующий, то нужно стараться как-то ведь и Богу угодить.

В 1987-м же году на Омско-Тюменскую кафедру был направлен Архиепископ Феодосий. Он не долгое время служил здесь в Германии, но за что-то отсюда был срочно выслан и поставлен на нашу кафедру. Ведь сибирские кафедры считаются кафедрами для ссылки архиереев и как правило туда направляют в чем-то провинившихся; где-то оступившихся перед властью или же совершивших какое-то антиканоническое или антиморальное действие. При Феодосии, по сравнению с предыдущим архиереем стало совсем по-другому. Возникло некое противостояние. Вскоре объявилось и моральное его поведение. Тогда восстал духовник нашей епархии отец Евтихий Курочкин, иеромонах. Им было послано письмо в Синод о моральном поведении архиепископа. Но из Синода эти документы переслали обратно Феодосию. С отцом Евтихием скоро, конечно, разделились. С прихода, где он служил в городе Ишиме, его переводят на вновь открывшийся приход; открывшийся только потому, что там храм хороший, великомученицы Екатерины, но он все годы советской власти был в запустении, в нем склад был, ну а теперь его, как памятник архитектуры, нужно сохранять и, можно сказать, ради этого-то организуют небольшую общину человек в двадцать, которой и передали храм. Отца Евтихия переводят туда, несмотря на то, что у него тяжело больная мать, за которой он ухаживает.

Что же касается меня, то я в 1988 году подал заявление в Синод о нарушении ка-

нонических правил при совершении таинств. Ответа не было никакого. Со стороны архиепископа, конечно, и по отношению ко мне началось прещение. Он обвинял меня в расколе Церкви. Дело в том, что на своем приходе мы, то есть, настоятель храма, отец Михаил, и я, сделали большую купель и стали крестить только с полным погружением и с предварительным оглашением взрослых, до месяца. Кроме того мы стали проводить по воскресеньям, вечером после богослужения, собеседования по толкованию Священного Писания, отвечали одновременно и на возникавшие у людей вопросы. К нам и дети приходили. Это-то и было принято со стороны духовных наших властей недоброжелательно. Светские власти сегодня на многие стороны церковной жизни смотрят как бы сквозь пальцы. Хотя закон 1929-го года, запрещающий внебогослужебную проповедь и катехизические занятия, запрещающий и благотворительную деятельность церкви еще не отменен, но он, как бы, сегодня и не действует. Впрочем, когда наша деятельность стала более явной, тогда полномоченный по делам религии Замятина Н. Я. сказала нам прямо, чтобы мы прекратили вести внебогослужебные беседы, которые запрещены не отмененным еще законом.

Кроме того, я написал письмо, обращенное к архиепископу и всем настоятелям храмов епархии. В нем я, на основании Священного Писания, соборных постановлений и древней практики Церкви, привел все доводы относительно таинства Крещения. Это письмо я показал архиепископу. Он принял его благожелательно и сказал, что все у меня аргументированно и что он меня поддерживает в этом. Письмо я послал и всем настоятелям, и это было принято ими как оскорбление. То есть, как я, молодой священнослужитель, посмел бросить им такой упрек. Хотя в этом письме никакого упрека им лично не было. Было лишь описано как должно совершаться таинство Крещения, а также и предшествующее ему оглашение.

Одновременно с этим в Синод, вторично, и уже за подписью нескольких священнослужителей, была подана докладная записка об аморальном поведении и антиканонических действиях архиепископа Феодосия. Она была подана отдельно каждому члену Синода и только тогда была какая-то реакция. Из Синода к нам была направлена комиссия во главе с Митрополитом Гедеоном Новосибирским и Барнаульским и Архиепископом Иоанном Куйбышевским. Я в это время находился в отпуске. Это было в сентябре прошлого года. На комиссию вызывали моих

собратьев, которые подписали эту докладную. Опрашивали не только батюшек, но и всех тех, кто был обижен архиереем, в том числе и лиц женского пола. Я же в этой подписке не участвовал. Письменно и устно я поднимал только вопрос относительно крещения и других канонических правил, которые явно нарушались архиепископом при рукоположении: рукополагается всем известный троеженец, одна из жен которого еще жива. Его же, несмотря на это, постригают в монахи и рукополагают. Об этом я высказывался только устно; но мне это также было поставлено в обвинение, как я смею, мол, указывать епископу, и даже хотели применить правило, вплоть до запрещения и извержения из сана. Есть такое правило: "Аще досадил епископу". Этим, значит, я досадил епископу.

В то время, когда комиссия работала я сам был еще в отпуске. Когда я узнал об этой комиссии, позвонив с Новосибирска, я заехал в Омск, где работала комиссия, и меня принял в гостинице архиепископ Иоанн. Мы с ним поговорили. Но я, опять таки, поднимал только свой вопрос о таинствах и о канонах церковных. В чем он меня в общем-то поддержал. На другой день было совещание в Омском кафедральном соборе. На нем присутствовали благочинные и настоятели. Я на это совещание не был приглашен, но все-таки я пошел туда. Были там и другие священнослужители, приглашенные с приходов. Это совещание было собрано для того чтобы как-то защитить архиепископа и доказать, что написанное о нем - ложь. Но этого не получилось, а внимание было больше всего уделено моему письму. Более двух часов мы дискутировали. Я защищался. В качестве главного довода выдвигалась, почти всегда, лишь сегодня сложившаяся практика Крещения. В ее же оправдание не приводилось ни Священное Писание, ни соборные постановления, ни канонические правила; только практика сегодняшнего дня. Вот, до меня делал так такой-то священнослужитель, и я так делаю. Воздвигались еще и на меня обвинения, но они все были необоснованы и, поэтому, скоро рассеяны. Из всех священнослужителей один только встал на мою защиту, это - секретарь архиепископа, отец Алексей Сидоренко. Он сказал, что отец Иоаким поднимает ведь серьезный вопрос, и раньше поднимал, а мы за три года ни разу так его и не смогли обсудить. Хотя я, действительно, просил архиепископа собраться и об этом поговорить. Но только были обещания, что, мол, в следующий раз. А за месяц до приезда комиссии

вызвали они, то есть архиепископ и епархиальный совет, меня и уже с угрозой сказали, что лучше мне по-хорошему уходить заштат. Иначе будет не добро. Здесь, мол, и епископ, и уполномоченный, и мы, священнослужители, все против. Я подумал, посоветовался и решил уйти заштат, потому что вступать с ними в такую ссору было явно опасно. От них можно ожидать уже все, что угодно. На любую подлость они могли пойти. Поэтому я пишу прошение и его тут же подписывают. Кроме прошения заштат я написал еще и прошение на отпуск, что с их стороны было как бы любезностью, так как я мог за это время найти себе место служения в другой епархии. Я, действительно, в то время об этом еще думал.

После меня они вызывают и настоятеля, отца Михаила, и требуют от него с различными угрозами также написать прошение заштат. Пока, дескать, не напишешь, отсюда мы тебя не выпустим, не забывай, что у тебя семья и прочее... Он, также как и я, подписал прошение заштат. Таким образом мы оба оказались заштатом. На наш же приход, то есть в церковь Всех Святых в городе Тюмене, были посланы другие священнослужители. Ополчение на нас началось в большей степени, конечно, из зависти старших собратий, которые служили в кафедральном соборе, потому что там крещение совершается просто поточным методом. Как комбинат. Ведь что главное требуется при крещении: заплатил ли ты 5 рублей в кассу. Подходит священник и спрашивает: все заплатили? - Все. - Становись. Ну а дальше уже пошло. Батюшка, что-то там читает, здесь люди переговариваются, потом они к нему подходят, он помочил им голову слегка и на этом крещение заканчивается.

Когда мы с отцом Михаилом в своем храме стали крестить с полным погружением, то конечно на это сразу обратили внимание. Ведь город то один и не большой. И люди, которые приходили говорили: "что это у вас другая вера, или что? Я вот в кафедральном соборе первого ребенка крестила или подружка моя там же крестила, так ребенка даже не раздевали, а здесь вы полностью купаете." Мы старались, конечно, объяснять, почему нужно делать именно так, как у нас, то есть с полным погружением. Почему же в соборе по-другому? Были когда-то некие обстоятельства. То есть, мы пытались как-то предотвратить возникновение острых противоречий. Они же к этому очень ревниво относились и обвиняли нас в том, что мы настраиваем людей и своих прихожан против собора. Мне было сказано, что я якобы хочу

быть настоятелем собора и поэтому настраиваю людей и соборных прихожан против настоятеля собора.

Вопрос: А со стороны ваших прихожан вы находили понимание, в необходимости совершать Крещение с полным погружением, то есть по канонам?

Ответ: Конечно. Мы перед тем, как ввести в нашем приходе такую практику обсудили ее на церковном совете храма. Здесь вероятно надо сказать, что в церковные советы в России сейчас, как правило, ставятся старосты, которые являются обычно и правой рукой уполномоченного. Не редко бывало даже так, что староста в церкви - совершенно неверующий человек и не просто неверующий, а может быть даже ярким атеистом. Но его ставит уполномоченный, то есть, без утверждения уполномоченного старостой ни один человек быть не может. Бывает так, церковное собрание выбирает старосту. А уполномоченный заявляет: вы выбирайте, не выбирайте, а я его не утвержу. Так что вы не трудитесь и выбираете другого.

В нашем же приходе староста была человек верующий, богобоязненная женщина, хорошая. Но за доходы борются везде, и когда мы стали крестить как положено, то у церковного совета сначала был страх: к нам, дескать, тогда и креститься никто не пойдет, у нас доходы понизятся. Но мы с отцом Михаилом стояли на своем. Стали за каждой проповедью говорить, как должно совершаться таинство Крещения и почему; объяснять, что это не наши причуды, а практика Церкви, основанная на Священном Писании и соборных постановлениях, что так делали всегда, с первых веков так делалось, и лишь по небрежности столь сильно изменилось, упростилось совершение этого великого таинства Церкви. В общем, понимание нас со стороны церковного совета постепенно утвердилось. Но начали мы с отцом Михаилом своими силами. Мы сделали купель, выкопали яму, обложили ее плиточкой, подвели горячую воду, сделали слив на улицу, т. е. специальную яму, в которую крещальная вода должна спускаться, как в ванной, и у нас удобно все получилось очень. И когда начали мы совершать крещение, то крещаемых стало не меньше, а даже больше и доходы не уменьшились. И тогда они, то есть церковный совет, успокоились и стали полностью нас поддерживать.

Вопрос: А со стороны крещаемых было понимание необходимости ваших, так сказать, нововведений?

Ответ: Конечно. Со стороны крещаемых ни одного раза не было отказа. Хотя опасения такого рода высказывались. Здесь следует сказать, что люди, которые приходят креститься в большинстве своем не обладают твердой верой. Знают, часто только то, что это надо. Они, в общем-то, не готовы. И хотя мы их месяца два-три готовим, но той степени, которая должна быть они не достигают. Но они знают, что все это делается так, как должно делаться. Они видят как крестят в соборе и как здесь, и в большинстве случаев говорят: нет, если будет креститься моя подружка или кто-то другой, я ей скажу, чтобы только сюда шла, потому что видно: у вас здесь все полностью, "по-настоящему". То есть, людям, которые, можно сказать, еще далеки от веры, такое отношение к таинству нравится. Им нравится, когда оно совершается с ревностью, и благочинно. Так, как должно. И отказа не было ни разу. Нет, был однажды. Но это потому что хотелось людям побыстрее, хотя они к таинству были не готовы. Они пошли в собор и там тут же окрестили.

Вопрос: Я бы хотел еще поднять вопрос о крестных. Ведь часто в крестные выбираются люди не только далекие от Церкви, но и просто не верующие.

Ответ: Да, много таких случаев.

Вопрос: Вы как-то следите за этим?

Ответ: Следим, конечно. Бывает, что крестный совсем не верующий. Мы спрашиваем хоть какое-то вероисповедание. Смотрим есть ли у него хоть какие-то проблески веры. Если уж человек совсем отвергается, тогда мы его отстраняем. А если человек говорит, что, да, я верю, но я о вере ничего не знаю, не знаю ничего и о церковном деле, тогда идешь на какое-то снисхождение, не отстраняешь его, даешь ему почитать Новый Завет, другую литературу. Мы объясняем людям для чего нужен крестный. Кто он для вновь крещаемого. Вот представьте, говорим мы, что вы отдаете своего сына в школу, а учитель там по знаниям меньше чем сам ученик. Вы как, довольны будете тем, что вашего сына будет учить такой учитель? Нет, говорят, конечно. Но так ведь и здесь. Крестный должен крестника своего учить вере, учить как жить ему по-христиански, как дойти до Царства Небесного. А если он сам не знает пути, как он научит Вашего сына? Все это будет тогда чистой формальностью. А ведь часто люди идут креститься с какими-то, как бы это сказать, предпринимательскими, что ли, помышлениями. А вот, если покрещу

ребенка, то он будет расти у меня здоровым, в жизни ему будет везение. Или приходит, например, девушка, которой сказала, как она говорит, бабушка: "покрестись, тогда жених у тебя будет не пьяница, бить тебя не будет и счастье у тебя в жизни будет." Много случаев когда люди идут ко Крещению с подобными мыслями. Таким новокрещаемым мы сначала разясняем смысл таинства. В тот же день мы их не крестим. Они несколько раз приходят на наши занятия, мы им все даем Новый Завет, чтобы пришедший ко Крещению хотя бы один раз, но прочитал Новый Завет. Чтобы он познакомился Кто же Такой есть Иисус Христос. Поняли, что это Сын Божий, их Спаситель, но никак не инопланетянин, как некоторые рассуждают. И такое встречается. Исповедание веры - что это такое? По каждому члену Символа веры мы обязательно проводим беседы.

Вопрос: Скажите, можно ли основываясь на Вашей служебной практике сказать, что общий уровень подготовки взрослых людей, которые приходят креститься не только у Вас в приходе, но и вообще в России, низкий?

Ответ: Вообще никакого нет уровня. И поэтому я уверенно говорю, что нужно вести предварительную катехизацию. Мне говорят: в другой раз не придет. Ну что же, не придет, так не придет. Но если он пришел, то он должен придти ко Крещению таким, каким должен. Совершается таинство, а к таинству всегда допускают человека проверенного. Даже в мирской жизни к какой-то тайне сразу человека не допускают. Его сначала проверяют, а сможет ли он сохранить эту тайну. А Крещение это великое таинство. А то получается, что человек только что соединился со Христом, произошел брак души человека со Христом, а душа, не зная Христа, - и это я ее не научил как пастырь, - она тут же отойдя от купели пошла опять в блуд. То есть она так и не вступила на путь христианства. Вот если в мирской плотской жизни невеста в первую же брачную ночь изменяет своему жениху, как Вы к этому относитесь? Здесь же душа только что обручилась со Христом, а она пошла жить такой же жизнью какой и жила. Это же - духовный блуд? И это страшно. Ведь если до этого в ней не было этого смертного греха, то сейчас она уже совершает его?

Вопрос: А изменилось ли за последние два три года количество взрослых людей, приходящих креститься?

Ответ: Да, конечно, изменилось. Людей стало приходиться ко Крещению больше и

изменился даже духовный уровень людей. Многие уже приходят не просто, как бы на счастье покреститься, а разочарованные в той идеологии, которой их кормили все годы. Я хочу, - говорят они, - как-то по другому жить. То есть они ищут в Церкви какого-то обновления своей жизни, духовного основания для нее, которого они не нашли в мире. Люди увидели сегодня, что то, чему их учили в школе или институте - все это ложь, а душа-то есть, и она ищет.

Поэтому многие люди сейчас приходят в Церковь и спрашивают: что нам делать? Как нам жить? Вот такие вопросы все чаще нам, священникам, сегодня задаются. Тогда стараешься как-то им показать и открыть Христа. Хотя конечно, то что мы делаем при подготовке человека к Крещению я считаю недостаточным. К оглашению нужно относиться все-таки более серьезно. У нас сегодня больше обращают внимание на количество, т. е. как больше получить по пять рублей с человека. Борются за доход. А это ведь ведет к гибели. Прежде всего мы должны обращать внимание на качество. Человек должен быть подготовлен к своему крещению. Он должен быть уже христианином. Жаль, что постепенно изжил себя институт оглашенных. Мы видим к чему это привело.

Вопрос: Скажите, осознавали ли Вы нарушения канонических норм при совершении таинства Крещения в начале своего пастырского служения, т. е. когда Вы учились еще в семинарии? Ведь эти искажения чинопоследования таинств в настоящее время являются почти нормой церковной жизни в России?

Ответ: Я учился в семинарии заочно. Поступил в нее уже будучи несколько лет священнослужителем. В семинарии, конечно, я все эти вопросы задавал. Относительно Крещения преподаватель по практическому руководству ответил, что такого крещения как совершается сегодня, то есть мочение лба, Православная Церковь не знает, а если это совершается, то это профанация Крещения. Вот так он мне ответил. Также и относительно других таинств. Совершение таинств должно соответствовать каноническим требованиям. Другого Православная Церковь не признает и не принимает. Но, говорит, это все теоретически. А практически-то мы видим, что это нигде не соблюдается. Когда мы с отцом Михаилом стали у себя на приходе совершать Крещение как полагается, то сначала старшие священнослужители а потом и епископ восстали на нас, говоря что "вы этим вносите раскол

в Церковь; что нигде так как у вас это не делается, что вы вносите отсебятину."

Вопрос: Неужели в СССР это и в правду так нигде не делается?

Ответ: Делается. Не во многих, но в некоторых местах еще делается. Например, в некоторых храмах Москвы, в частности - в Переделкино. Еще кое-где стараются делать. В Красноярском крае, в городе Енисейске - отец Геннадий Фаст. Он там один, приход у него не большой и в месяц у него, может быть, одно-два крещения. И он крестит. Зависти к нему там нет ни откого. А когда в одном городе две церкви, в которых по разному крестят, то тут возникает уже и зависть. Теперь, когда стали проводить беседы по вечерам, то верующие с собора к нам стали приходить, потому что там проповедь почти не говорится. У нас же была проповедь за каждым богослужением. Мы служили ежедневно. Это естественно вызывает зависть. Как бы не понизился у них доход.

Показательная история произошла во Фрунзе. Там два священнослужителя, отец Владимир Цветков и иеромонах Леонид, сделали купель и крестили взрослых полным погружением. Но не долго - два года. Они были за это епископом Львом сначала запряжены в служении, а потом, когда он запрет с них снял, один из них взял вольную и уехал, кажется, в Новгородскую епархию, а второго епископ сослал в Красноводск, на самый край Каспийского моря. Священники же, которые стали служить после них во Фрунзе купель закрыли и больше крещение там полным погружением не совершалось. Купель же потом разломали. Многие пытаются. Кто-то отступает, не выдержав натиска архиерея. Хотя сами мучаются тем, что совершают крещение без погружения. Совесть их осуждает. Но куда деваться? Пойдешь против - могут убрать, а у батюшки семья, четверо-пятеро детей. Куда он пойдет? Материальная сторона его связывает. Из дома церковного его выгонят, а у него своего дома нет. У нас ведь не так уж особо живут богато батюшки. Машина редко у кого есть. Много священников в которых есть ревность, но им мешает страх перед тем, что его могут убрать с прихода, а приход у него, все таки, не плохой. Этот страх смывает все.

Вопрос: Фактически совершению крещения с полным погружением, как того требует Требник, противодействуют сами архиереи?

Ответ: Да, конечно. В этом то и беда. Мы хотели найти поддержку в Синоде. Думали, что они примут какие-то действия, чтобы

от лица архиерея не исходило разложение Церкви. Но скоро увидели, что Синод, зная об антиканонических действиях архиепископа Феодосия, зная о его аморальном поведении, - ведь грех-то у всех на виду и мир смеется над этим, - Синод, все-таки, поддерживает и защищает архиерея, оставляет его на месте. Тогда мы поняли, что, по-видимому, там люди не лучше. Нужно было искать из этого какой-то выход.

О Зарубежной Церкви мы думали и раньше, но вначале не находили путей для связи с ней. Вначале нас было трое, а потом к нам еще присоединились священнослужители, и нас стало уже шестеро. Тогда мы написали общее прошение в Зарубежный Синод о возможности принятия нас под омофор РПЦ. Это было, где-то, в конце ноября прошлого года, а где-то, в апреле нам сообщили, что наше прошение рассмотрено положительно. Если бы нам был дан отказ, то я лично уже больше никуда не пошел бы служить. Думал, буду ходить молиться, но священником не служить. Когда я уходил за штат, то еще предполагал переход в другую епархию. Но вскоре я увидел и понял, что нигде не дадут мне служить так, как я уже себя настроил. Поэтому я для себя принял уже твердое решение не возвращаться к служению до тех пор, пока не появится возможность служить так как должно.

Когда же Синодом РПЦ нам был дан положительный ответ то священники, которые служили на приходах - двое на одном приходе и один на другом - объявили о такой возможности своим прихожанам и они их поддержали. Только в начале было непонимание: а что это за Церковь? Больше ее называют у нас Карловацкой. Простым бабушкам трудно, конечно, объяснить всю эту историю и один батюшка, отец Феофан, он и сам-то человек простой, из народа, сказал: как вам объяснить? Ну в общем, это, знаете ли, царская Церковь; а бабушки все: ну если царская, тогда мы за царскую. Вот такой он нашел выход. И когда к ним на приход прислал епископ благочинного, то они его просто не допустили. Сказали, что нам не надо никого. У нас батюшка есть.

Вопрос: А Вы сами где сейчас будете служить?

Ответ: Я и отец Михаил сейчас оказались без прихода. Но наши прихожане все готовы идти за нами, ведь большинство из них были нашими духовными детьми. Они к тому же неудовлетворены теми священнослужителями, которые поставлены вместо нас на приход. Настоятель думает больше всего

о деньгах. Ну а люди, после того как было, этим не довольны. В общем, уже сегодня мы можем начинать служить, и у нас община будет хорошая. Но мы хотим все сделать по закону, официально.

Вопрос: Вы фактически будете открывать новый храм?

Ответ: Да. Отец Михаил в Тюмени уже подал документы на регистрацию церковной общины. Но в каком состоянии дела сейчас, я вот уже месяц как не знаю. Думаю, что должно быть положительно. Будут они регистрировать или нет, это их дело, но в известность власти поставлены. Вот какое положение.

Вопрос: Скажите, а когда вы подавали свое прошение в Синод РПЦ вам было известно о намерениях суздальского прихода?

Ответ: Нет. Еще нигде ничего не было известно. У них это желание возникло более стихийно. Из-за перевода настоятеля, в общем-то. Когда мы сейчас были в Суздале на праздновании крещения суздальской земли, то я поднимал там вопрос о том, что бы наш переход не был просто сменой вывески. А чтобы была понятно и ясно выражена главная причина - наше стремление к чистоте Церкви, церковной каноничности.

Вопрос: Из Ваших слов понятно, что конфликту Вас был с духовными властями. А как при этом вели себя светские власти, в лице, например, уполномоченного по делам религии?

Ответ: Явно он не вмешивался. Сейчас уполномоченные действуют более осторожно. Раньше, например, когда наш уполномоченный приходил на приходское собрание, то был всегда его председателем. Сегодня же собрание ведет настоятель, а уполномоченный сидит рядом. Когда мы приходили к уполномоченному, то он говорил, что нам нужно, как мирно решить вопрос с епископом. Но уже сегодня мне стало известно из достоверных источников как развивались события. Только мы начали проводить у себя на приходе беседы, уполномоченный сразу стал давить на епископа и благочинного, чтобы отца Михаила и меня разъединить между собой и, вообще, из города убрать.

Один уполномоченный говорил обычно так: чем хуже у вас тем лучше для нас. Хотя вышло хуже для них самих. Они сейчас хотят что-то сделать с обществом, а как? Обращаются к Церкви за помощью. А Церковь на сегодня оказалась не готова что-то изменить в обществе, потому что, как правило,

священнослужители находятся не на должной духовной высоте. Много карьеристов и сребролюбцев оказалось на самых видных местах, то есть среди архиереев, благочинных, настоятелей. Ведь как иногда делается? Хочет архиерей, например, перевести батюшку на другой приход. Тот едет к архиерею, дает ему тысячу и остается на месте.

Вопрос: Насколько я понял, ваши прихожане совсем не знали о РПЗЦ. Вероятно они толком не знают и о той ситуации, которая сложилась после 1927 года. И как хорошо знают они вообще церковную историю советского периода?

Ответ: Конечно, всю историю Зарубежной Церкви простые люди не знают. Да и я сам не так давно ее узнал, может быть лет шесть назад только, когда стала поступать какая-то литература. До этого я только мельком о Зарубежной Церкви слышал и значения этому не предавал; больше думал, - Зарубежная Церковь это та вот, что отправляют наших епископов за границу, а что есть другая я даже и не предполагал. Простые люди, конечно, ничего не знают. Есть у нас люди, которые называются тихоновцы и иосифляне, но они держатся обособленно. В храмы Московской Патриархии они не ходят причащаться. О Зарубежной же Церкви они, по-моему, не знают. Они знают, что Церковь, которая есть сегодня - это советская Церковь, что она предалась власти, а раз с властью, то там, значит, благодати нет; там уже, - как они говорят, - мерзость на святом месте. Категорично относятся к Московской Патриархии.

Вопрос: Они не связаны как-то с владыкой Лазарем?

Ответ: Конечно, нет. У них где-то в 60-х годах умерли последние священники и они остались сейчас без таинств. Я говорю конечно о Сибири. Как я знаю, некоторые принимали причастие таким образом: оставшиеся от священников запасные Дары они очень маленькими частичками закладывали в тесто, тесто размешивали, стряпали, рассылали даже и причащались вот таким образом. У нас еще есть, как их называют, истинно православные христиане. Это еще более ревностные. Они не берут даже паспорт советский, считают за грех и работу в государственных предприятиях, колхозах...

Вопрос: За время Вашего пребывания в Германии Вы познакомились с жизнью монастыря и многих приходов Зарубежной Церкви. Увидели ли Вы в этой жизни то, что и ожидали?

Ответ: Если говорить честно, то некоторые стороны приходской жизни меня смутили.

Вопрос: А что именно. Какие-то канонические нарушения?

Ответ: Нет. Крещение здесь совершается так, как и должно быть. Я видел как совершал Крещение взрослого человека отец Николай и мне это понравилось. Понравилось и то, как он служил: не просто по требнику, но и с душой. Это можно только ставить в пример другим. Исповедь? Я видел только как исповедует сам владыка. Однажды, когда я служил, исповедывал отец Александр. У вас, правда, приходы не большие; к исповеди подходят два-три человека, владыка исповедует каждого отдельно в специальной комнате. Это все так и должно быть.

Но вот во внешнем... Как, допустим прихожане одеты, как они себя ведут в храме, здесь, конечно, другое. Пожилые женщины, например, стоят в храме без платков. Хотя ясно в Писании сказано, что женщина молящаяся с покрытой головой должна быть. Я понимаю, конечно, что люди живут здесь совершенно в другой обстановке. Но все равно, нужно пастырям как-то об этом говорить. Не так резко, допустим, как мы у себя дома, а по-тихоньку, но говорить. И думаю, что те, которые ревнуют о деле спасения поняли бы значение этой внешней, казалось бы, стороны жизни христианина. Ведь написано как одеваться. Одевайтесь, говорят, как прилично святым. Ну разве где-нибудь Вы видели, чтобы пожилая святая была изображена в брюках и без платка? А на тех, которые ходят только ради традиции не надо ровняться. Иоанну Златоусту говорили: "Иоанн, ты часто очень резко отличаешь и многие могут уйти в другие секты." А он отвечает: "Пусть кто хочет уходит, но я не перестану говорить, потому что меня на это поставил Господь и сказал: труби".

Вопрос: По-моему, Вы все-таки преувеличиваете. Многие женщины-прихожане, например, собора, во время богослужения стоят в платках, в том числе и молодые. Вероятно Вам чаще попадались на глаза случайно зашедшие в храм люди.

Ответ: Не знаю. Но большинство все-таки без головных уборов. Может быть это от того, что батюшки здесь мало обращают внимание на внешнее благочестие христианина? Вообще, я понял, что здешним батюшкам гораздо труднее чем нам. У нас материал, то есть души, более податливые, мягче. Слово священника, я думаю, у нас для прихожан более значимо чем здесь. Я могу со всей строгостью наложить на человека епитимью за какой-то грех. А я подумал: вот если бы меня назначили в собор настоятелем. Что

бы я стал делать? Даже и не знаю. Боюсь, что если бы стал вести себя здесь как дома, то через неделю меня или просто выгнали бы, или - остался бы один.

Вопрос: Скажите, а как у вас на приходе относились к внешнему благочестию?

Ответ: Строго. У нас не только к Причастию, но даже в храм женщина не пройдет с открытой головой. А там где продают свечи уже заготовлено 10-15 платочков и если кто-то случайно зашел без платка, например, свечи поставить, ей продавец свечей скажет, что у нас нельзя без платка в храм входить.

Вопрос: Скажите, а в храмах таких городов как Москва или Ленинград отношение пастырей да и самих прихожан к внешнему благочестию молящегося столь же строгое?

Ответ: Когда я бывал в Москве я старался в большие соборы не заходить. Так же и в Троице-Сергиевой Лавре я обычно шел на службу в маленький храм за колокольной. В больших соборах как правило нет порядка. Там прямо как на вокзале. Все время люди заходят, выходят. Заходят туристы группами. Все время идет какой-то круговорот. Там нет тишины, благоговения. Кто туда случайно зашел, кто там постоянный прихожанин - не определишь.

Вопрос: В обычных приходских храмах таких городов как Москва или Ленинград, также как и у вас в Сибири все женщины ходят в платках?

Ответ: Нет, тоже не все. Но все зависит от пастыря. Как в пословице говорится? - Какой поп, такой и приход. Например, у нас в Сибири в одном приходе люди совершают крестное знамение четко, не искажая крест, а в другом приходе - кое-как. Не крестятся а машут рукой перед носом. И причем, почти все прихожане. А почему? Да потому что батюшка совсем не учит их как накладывать крестное знамение, как поклоны совершать, когда их совершать. А там где батюшка учит - сразу заметно. У вас здесь батюшки, наверное, в своих проповедях на крестное знамение не обращают внимания, потому что оно совершается как попало. А я на многих приходах был. Мы же и на это строго смотрим. Это ведь знамя христианина. Его нужно держать как следует.

Вопрос: Можно ли из Ваших слов заключить, что Вы уедете домой в большей степени с чувством разочарования?

Ответ: Нет. То что касается, например, монастыря, то здесь действительно можно духовно подкрепиться. А в отношении

приходской жизни, да, некоторое разочарование. Но я говорю только о внешней ее стороне. Я не знаю ведь внутренней духовной жизни прихожан. Когда я служил, то сказал проповедь о посте. После этого подошел ко мне один человек и стал меня убеждать, что здесь, дескать, никто не постится даже Великим постом. Но я не думаю, что этот человек является показателем уровня духовной жизни прихода. Не может быть

чтобы никто не постился. Но об этом я судить не могу. Я здесь никого не исповедывал и поэтому я говорю только о внешнем.

Вопрос: О чем же Вы будете рассказывать дома?

Ответ: Как мы молились в монастыре, расскажу. Что было за столом - тоже расскажу. Ну и то, что видел в храмах здесь расскажу. Прибавлять ничего не буду.

VI Всезарубежный съезд Русской Православной молодежи

С 4 по 11 августа 1990 г. в Монреале по инициативе Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви проходил VI Всезарубежный съезд Русской Православной молодежи. В работе съезда приняли участие 250 делегатов из всех стран русского рассеяния. В отличие от предыдущих съездов в этом году было много гостей из самых разных уголков России: из Москвы, Петербурга, Новосибирска, Донецка, Симферополя и др.

Общая тема съезда - "Путь к истине" - нашла отражение в следующих докладах: "Воцерковление жизни" (прот. Валерий Лукьянов, США); "Русская идея и современность" (М. В. Назаров, Германия); "Белая Россия - идеология религиозного и национального возрождения" (А. Казаков, Россия); "И. А. Ильин об основах русской христианской культуры" (проф. Н. П. Полторацкий, США); "Лития: Православие в мире" (прот. Виктор Потапов, США); "Духовный облик русского

крестьянства" (В. А. Солоухин, Россия).

По каждой теме были проведены дискуссии под архипастырским руководством первоиерарха Русской Зарубежной Церкви митрополита Виталия.

Каждый день совершались богослужения в св. Николаевском кафедральном соборе, на которых присутствовала чудотворная Иверская мироточивая икона Божией Матери.

Благодаря умелому руководству (П. П. Пагануцци), съезд полностью окупил себя: участники из США и Канады своими взносами и личным трудом покрыли все

расходы: приедем из других стран пребывание на съезде ничего не стоило. Кроме того, на собранные средства было приобретено наборное и множительное оборудование для православной группы в Новосибирске.

Съезд принял обращение, публикуемое ниже. Следующий подобный съезд русской православной молодежи Зарубежья и России намечен на август 1991 г. в Аргентине (информацию можно получить по адресу: Alexis Popow, Larea 923, 7 - P, 1117 Buenos Aires, Argentina).

О б р а щ е н и е

VI Всезарубежного съезда Русской Православной молодежи к общественности России, российского зарубежья и Запада

С большой надеждой мы следим за освободительными переменами в сегодняшней России. Для нас это имеет огромное значение: мы обретаем историческую родину, о которой долгое время могли лишь мечтать. Но многое из происходящего вызывает и опасения, которыми хочется поделиться.

Мы обращаемся прежде всего к соотечественникам в России: сегодня важно не только против чего, но и за что ведется борьба. Для проведения оздоровительных реформ необходимо осознать происшедшее не в рамках последних 73-х лет, а в масштабе нашей тысячелетней христианской государственности - с учетом чужого опыта. Этот опыт поучителен: при утрате абсолютных ценностей деградация общества может наступить и в условиях свободы. Мы считаем, что России нужно не копировать чужие модели с присущими им пороками, а возродить отечественную православную традицию. Стержнем российского государства и его культуры всегда была Церковь, поэтому оздоровление церковной жизни мы считаем основой для любых перемен.

Мы рады видеть, что значительная часть нашего народа обращается к этим ценностям. Но после стольких лет искоренения православной традиции далеко не все способны понять ее жизненную важность. К таким людям следует проявлять терпение. От нас требуется не только творческий поиск на государственном уровне, но и осуществление христианских принципов в повседневной и политической жизни: искать в ближнем, в союзниках и даже в противниках то доброе, что есть в каждом человеке, и стараться на

этой основе объединиться для спасения родины. Россия может возродиться лишь на том, что объединяет народ, а не на том, что его разъединяет.

Мы обращаемся и к общественности западных стран, и особенно - к влиятельным кругам с призывом понять: Россия - часть европейской христианской цивилизации, но ее особенная часть. Не надо стремиться переделывать Россию по западным образцам. Россия должна соответствовать Замыслу Божию о ней - только такая, православная, Россия может обогатить мир. Стремление воспользоваться наступившим кризисом для расчленения и вестернизации России грозит привести лишь ко всеобщим потрясениям.

В этих условиях на долю российской эмиграции, имеющей опыт обеих общественных систем, выпадает роль моста между двумя разными мирами. Миссия эмиграции - сохранить и развить русскую идею - вступает в заключительную стадию: передать свой опыт России. Как бы мало нас ни было в зарубежье - только это оправдывает наше пребывание за пределами России в трудные для нее времена.

"Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся" (Мф. 5, 6). Мы, участники VI Всезарубежного съезда Русской Православной молодежи, ищем этой правды в Церкви Христовой и в наследии наших православных предков. В то же время нельзя не учитывать реальность: большинство наших сверстников, родившихся в зарубежье, не переселятся на постоянное жительство на свою историческую родину. Слишком много корней пущено здесь. Но мы надеемся,

что и свободной России будут нужны носители русского духа за ее пределами. Русский православный идеал Святой Руси имеет вселенское измерение, ибо такова суть христианства. Российское зарубежье, хранящее верность этому идеалу, будет и в новых условиях свидетельствовать миру о России как духов-

ном явлении и участвовать в ее жизни.

Чем теснее будет взаимодействие здор-
овых сил России, Запада и российского
зарубежья - тем скорее мы обретем ту
православную Россию, которая нужна нам
и всему миру. Мы призываем всех с молитвой
объединить усилия в общем деле.

Монреаль, 10 августа 1990 г.

Новые епископы Зарубежной Церкви

ЕПИСКОП ВАРНАВА

Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей счел возможным теперь официально заявить о существовании в составе своего епископата Преосвященного епископа Варнавы.

В течение ряда лет владыка Варнава (тогда священник т. наз. "белого духовенства" о. Владимир Прокофьев) был настоятелем храма в честь иконы Божьей Матери "Всех скорбящих радости" в г. Ментон во Франции. В 1982 г. он был тайно пострижен в монашество и хиротонисан во епископа по постановлению Архиерейского Собора.

Церковная польза требовала того, чтобы его высокое епископское достоинство со-
держалось до времени в тайне. Таким образом
он смог принести неоценимую службу нашей
Церкви в России. Ныне нужда эта отпала и
Архиерейский Синод с радостью возвестил,
что в нашей Церкви числится еще один
достойный приемник апостольского служения
в лице Преосвященного епископа Варнавы,
получившего титул Епископа Каннского.

В июле сего года Преосвященный Варнава
впервые участвовал в заседании Архи-
ерейского Синода в Нью-Йорке, где он был
официально представлен. Затем он посетил
Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле
и побывал на Молодежном съезде в Монреале.
В разных местах он сослужил с Перво-
иерархом нашей Церкви, Высокопреосвя-
щеннейшим митрополитом Виталием и
другими архиереями.

ЕПИСКОП ИОАНН

По постановлению того же Архиерейского
Синода состоялось в пятницу 11/24 августа
1990 г. в Троицком монастыре в Джорданвилле
пострижение в монашество протопресвитера
Иоанна Легкого. При постриге за ним было
сохранено имя Иоанна, с тем лишь изменением
что он нынче назван в честь Новомученика
епископа Иоанна Рижского, которого он знал
при жизни и очень любил, и который его
рукоположил в сан диакона, а затем иерея.
15/28 августа 1990 г. совершена была хиротона
архимандрита Иоанна в Епископа Буэнос-
Айресского и Аргентино-Парагвайского.

Владыка Иоанн родился 29 апреля 1907
в г. Двинске в семье протоиерея Саввы Легкого.
В 1926-1927 гг. он завершил образование
в русской гимназии, окончил в Риге годичные
педагогические курсы и с сентября 1927 г.
по сентябрь 1931 г. учительствовал в русской
школе в Латвии.

В 1930 г. Иван Саввич окончил экстерном
курс Рижской Духовной семинарии.

С сентября 1937 года по сентябрь 1940 продолжал образование на богословском факультете, куда он был зачислен сразу на четвертый курс. Закончить же его он не смог вследствие закрытия большевиками богословских учебных заведений.

26 августа/8 сентября 1931 в кафедральном соборе г. Риги был посвящен в сан диакона Архиепископом Латвийским Иоанном, ставшим впоследствии новомучеником, а 1/14 сентября 1931 во иерея.

С 1936 по 1944 год отец Иоанн состоял членом Латвийского Епархиального совета и Экзаршего правления. В октябре 1944 года эвакуировался вместе с епископом Рижским Иоанном в Германию, где находился вместе с ним в судетской области. В сентябре 1945 года о. Иоанн был принят в юрисдикцию Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей и назначен Митрополитом Германским Серафимом законоучителем и священником в лагерь для перемещенных лиц Мюнхен-Фрейманн. В 1946 г. о. Иоанн

получил направление на должность благочинного церквей Шлезвиг-Хольштейна.

В июле 1949 г. о. Иоанн прибыл в США и тогда же был назначен вторым священником при Вознесенском кафедральном соборе в г. Бронксе. Впоследствии о. Иоанн настоятельствовал в Св.-Архангельско-Михайловском соборе г. Патерсона в Нью-Джерси, являясь благочинным этого округа.

В 1965 г. о. Иоанн награжден митрой, а в 1972 г. возведен в сан протопресвитера.

15/28 августа 1990 г. в день Успения Пресв. Богородицы Высокопреосвященным митрополитом Виталием, Преосвященным архиепископом Лавром Сиракузским и Троицким, Епископами Иларионом Манхеттенским, Даниилом Ирийским и Григорием во время Божественной литургии в храме Преп. Серафима Саровского в Успенском Новодивеевском женском монастыре совершена была хиротония архимандрита Иоанна во Епископа Буэнос-Айресского и Аргентино-Парагвайского.

Из жизни других Церквей

В заявлениях разных экуменических группировок часто читаем много слащавых заявлений об "экклезиологическом братском общении", римо-католики и православные величают друг друга "сестрой-церковью" и т. п. О нынешнем положении дел в Западной Украине говорится лишь как о "напряженности между Римо-католическими церквями византийского обряда и Православной Церковью". Подобные выражения никак не можем способствовать видению реальности экуменических отношений в наши дни.

Печально известны события на Западной Украине в результате советской политики Московского Патриархата, а также и ожесточенность униатов. О таких же событиях нам сообщают и из православных приходов Польши и Чехословакии.

Православные в Чехословакии

На территории нынешней Чехословакии Православная Церковь подвергалась гонениям в течение многих веков. Вследствие так наз. Ужгородской унии 1646 г. австро-венгерские феодалы насильственно и последовательно истребляли все жизненные токи коренного Православия. После смерти епископа Досифея (1734 г.) и последних православных священников, православный народ оказался под властью униатской иерархии. Но в своих сердцах верующие

хранили верность Святой Православной Церкви. Таким образом перед Первой мировой войной и после нее наступил период сильного оживления Православия, особенно на Карпатах. Огромную деятельность развивала между двумя войнами Сербская Православная Церковь, в которую тогда входила Чехословацкая епархия. Особенной ревностью в проповеди православного слова отличался тогда великий богослов Сербской Церкви о. Юстин Попович, которого Сербская Церковь намечала на архиерейскую кафедру для этой области. Стремление к возвращению в святое Православие среди народа поддерживалось издательской и проповеднической деятельностью братии обители преп. Иова Почаевского в Ладомирове. Этот монастырь со своей типографией был тогда центром и рассадником Православия по всей Карпатской Руси. Его иеромонахи обслуживали множество приходов в округе. Много содействовал укреплению Православия иеромонах Аверкий, получивший богословское образование в Болгарии и ставший впоследствии архиепископом Троицким и Сиракузским и настоятелем Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

Большие трудности возникали тогда из-за того, что храмы и приходские дома большей частью и дальше оставались в руках "греко-католической церкви", т. е. униатов.

Служба перед церковью забранной униатами в Швермово (окр. Банска Быстрица). Служит о. Иоанн Белорусский.

Во время Второй мировой войны Православная Церковь в Словакии подвергалась зверскому насилию, а в Чехии была запрещена вовсе. Епископ Чешский и Моравско-Силезский Горазд был казнен вместе со своими сторонниками, священнослужители отправлены на принудительные работы, а

имущество Церкви было конфисковано. В пятидесятые годы коммунистическая власть в Чехословакии запретила греко-католическую церковь, но сравнительно мирное существование Православной Церкви было обманчивым и непрочным. Новые нападения на Православную Церковь и ее имущество начались в 1968 г., когда власти, вновь разрешившие деятельность греко-католической церкви, отняли у православных многие

храмы и приходские дома. Во многих местах уничтожался церковный инвентарь, усилилось физическое и психологическое давление на верующих. Православным не разрешалось строить собственные храмы, они были отданы на милость и немилость греко-католической церкви. Таким образом положение дошло до абсурда, при котором

Служба перед другой закрытой церковью в Кечковце. Служит о. Сергей Цупер.

православные и униаты совместно пользовались одними и теми же храмами.

Политические перемены, наступившие в 1989 г. привели к демократизации общественной жизни в Чехословакии. Греко-католическая церковь интенсивно использует эти возможности, настаивая на возвращении ей всего церковного имущества, невзирая на то, находится ли оно в руках у верующих греко-католической церкви или же православной. В восточно-словацком городе Прешове униаты заняли архиерейскую резиденцию и требуют передачи здания богословского факультета. Подобное положение встречается во многих городах и селах Словакии. Как нам сообщают православные верующие, словацкое правительство недавно решило передать все православные храмы униатам. Во многих случаях проявляются скрытые преследования. Так, например, в случае православного факультета в Прешове. По новым законам чехословацкой республики каждый богословский факультет должен входить в состав университета. По этой причине православный богословский факультет в Прешове решил войти в состав университета Шафарика в г. Кошица. Но ректор университета (чей брат римо-католический епископ в Нитре) отказался принимать православный факультет, говоря, что он не может его

принять "потому что православные не имеют благоприятных отношений с униатами". В отчаянном письме, обращенном ко всем христианам мира православные верующие из Чехословакии пишут: "На деле мы стоим перед опасностью полной ликвидации. Греко-католики хотят перенять 300-400 храмов и приходских домов у православных."

Несомненно, отношения, сложившиеся между православными и униатами на территориях нынешней Украины, Польши и Чехословакии, в течение многих веков - крайне сложные, но видно по всем сообщениям из этих областей, что униатская церковь, имеющая за собой во всех случаях государственную власть, несмотря на малочисленность или порой полное отсутствие приверженцев беспардонно вытесняет православных христиан из их храмов, построенных, украшенных и ухоженных поколениями их предков.

Православные в Польше

Из среды православных верующих в Польше нам сообщают, что 12 июля подожгли Свято-Преображенский храм на горе Грабарке, где находится единственный женский монастырь свв. Марфы и Марии в Польше.

Св.-Преображенский храм на горе Грабарке до пожара 12-го июля.

Преображенский храм после пожара.

Это - как бы центр Православия в этой преимущественно Римо-католической стране. Здесь на праздник Преображения ежегодно собирается верующий народ в численности до 20-30 тысяч. Храм подожгли ночью в 11 ч. Раньше, в марте, подожгли церковь в Кракове; 12 апреля, в Великий Четверг сгорела церковь в местечке Нарев, около 35 км от Белостока. За последние годы сгорели церкви: Клейники, 6. 4. 1973, Крушенияны 11. 12. 1983; Чыже 28. 8. 1984 (Успение); Ячно 14. 11. 1985; Нарев 12. 4. 1990 (Великий Четверг); Грабарка 12. 7. 1990 (Свв. Петра и Павла) - все даты по новому стилю.

Горят храмы свидетельствующие о присутствии православных на этой земле уже много столетий. Все они - деревянные. "Трудно верить, - пишут нам из Польши, - что все это случайность, когда видишь, сколько было нападений на Православие в наших краях за последние годы. Выбивали окна, поджигали строительный материал в новостроящихся церквях.

Когда православный приход г. Седльца просил разрешение на строительство храма, неправославные жители обратились к правительству с жалобами на этот проект - по их мнению "облик храма будет портить архитектурный ансамбль города". Эти события

горько напоминают православным жителям события даже недавнего прошлого. Перед второй мировой войной, в 1938 г., за два месяца (июнь-июль) по Холмской Руси было разрушено 107 православных храмов, а 3 сожжено. Люди там спрашивают, где христианская любовь, где демократия? Западные государства поддерживают движение "Солидарности" и мало их интересует судьба гонимых христиан.

Фотографии монастыря на горе Грабарке равно и рассказы о печальных событиях имеющих там место, прислали нам гонимые христиане из Польши.

В Вестнике 3/90 мы перепечатали статью из книги прот. А. Мальцева "Православные церкви и русские учреждения за границей", Петроград 1906, о церкви св. Георгия в Герлице. Впоследствии мы получили письма из города Герлиц, из которых следует, что данные, использованные о прот. А. Мальцевым для этой статьи, не соответствуют действительности. Ряд исторических данных представлен неправильно, а также неверны некоторые географические указания. Поскольку статья относится только к историческому развитию христианства в Силезии, а русской церкви в г. Герлиц нет, мы не приводим здесь все эти поправки. Они для наших читателей не представляют большого интереса. Очень сожалеем о том, что, публикуя статью из старой книги, напечатали неверную информацию.

Новомученики Российские

Вениамин, Митрополит Петроградский*

VIII.

Обыкновенно, в сложных многодневных процессах, по окончании судебного следствия объявляется перерыв на день-два, чтобы дать сторонам возможность ориентироваться перед прениями в собранном ими материале и "собраться с мыслями". В данном случае перерыв был, тем более, необходим, что защита знакомилась впервые с делом лишь в заседаниях трибунала. Изучить заранее материалы следствия, представляющие ряд увесистых томов, не было ни возможности, ни времени. Окончание предварительного следствия, предание суду и назначение дела к разбору следовали с такой молниеносной быстротой, что защитники фактически были лишены всяких способов к заблаговременному ознакомлению с делом. Но само собой разумеется, все это "буржуазные предрассудки". Трибунал, несмотря на протесты защиты, объявил, что через два часа будет приступлено к прениям.

Слово предоставляется обвинителям.

Вся суть поединка между обвинением и защитой заключалась в вопросе, можно ли в настоящем случае говорить о наличии "контрреволюционного сообщества". При удовлетворительном ответе на этот вопрос смертный приговор для главнейших подсудимых неминуем (62 ст. советского уголовного кодекса); при отрицательном - кары свелись бы к долгосрочному тюремному заключению: говоря это мы имеем в виду спор, так сказать, академический; по существу, приговор, как водится, давно уже был предreshен, что было всем прекрасно известно.

"Вы спрашиваете, где мы усматриваем преступную организацию, - воскликнул Красиков, - да ведь она перед вами. Эта организация - сама Православная Церковь, с ее строго установленной иерархией, ее принципом подчинения низших духовных лиц высшим и с ее нескрываемыми контрреволюционными поползновениями."

В течение почти трех часов Смирнов с яростью, почти истерически, выкрикивал какие-то отдельные слова, обрывки предложений, безграмотные, ничем не связанные.

Единственное, что можно было понять, - это то, что он требует "16 голов". Когда он впервые выкрикнул это требование, зал огласился аплодисментами. Аплодировала, конечно, "командированная" публика, подкрепленная на сей случай несколькими сотнями красноармейцев, которые явились на это время со своим командным составом и заняли хоры.

Жалко было несчастных стенографисток, вынужденных записывать эту "кровавую белиберду".

После речи последнего обвинителя начались речи защитников.

Первым из защитников говорил профессор А. А. Жижиленко, представивший в своей речи подробный анализ понятия о "преступном сообществе" и доказавший, что этот квалифицирующий признак совершенно отсутствует в настоящем деле. Затем слово перешло к защитнику Митрополита, Я. С. Гуровичу.

В начале своей речи Гурович указал, что обвинение пытается переместить центр тяжести настоящего дела в область всяких исторических, политических и иных экскурсов, не имеющих ничего общего с процессом. Эти выпады - безличны, безответственные - замаскировывают абсолютную пустоту обвинения в отношении конкретной ответственности лиц, посаженных на скамью подсудимых. Если защитник останавливается вкратце на этих "экскурсах", то только потому, что даже в них допущено столько вопиющих противоречий исторической истине, столько явных выдумок, что их нельзя не отметить.

Защитник представил затем краткий анализ приведенных обвинителями "историко-политических справок" о прошлой роли и значении русского православного духовенства и показал, что все они отличаются, частью и в лучшем случае, тенденциозными преувеличениями, а в остальном - явным искажением истины.

Как яркий пример бесцеремонного обращения обвинителей с историей (и, притом, недавнего времени), Гурович указал ссылку обвинения на Бейлисовский процесс, в создании которого Красиков решился обвинить... русское православное духовенство. Более вопиющее измышление трудно себе даже представить. Всем известно, что русское духовенство не только не принимало

* Продолжение - начало см. Вестник 4/1990 - печатается по книге прот. М. Польского "Новые мученики Российские".

участия в создании злополучного дела Бейлиса, но, наоборот, лучшие и учнейшие его представители боролись против кровавого навета на евреев. Тогдашняя юстиция долго металась в безнадежных поисках "благоприятного" эксперта в среде православного духовенства. Никто из них на эту роль не шел. Пришлось удовлетвориться пресловутым католическим ксендзом Пранайтисом, откопанным где-то в глубине Сибири и не поддержанным своими же единоверцами.

Мало того, православное духовенство открыто боролось с антисемитской демагогией в деле Бейлиса. Из той самой Петроградской духовной академии, питомцы и профессора которой ныне сидят на скамье подсудимых, явился на киевский процесс один из виднейших ученых профессор Троицкий. Он понес долгий, бескорыстный и самоотверженный труд по разоблачению той многовековой кровавой легенды, на которой был построен процесс Бейлиса. Благодаря, в значительной степени, его мужественной борьбе за истину, Россия не была опозорена обвинительным приговором по делу Бейлиса. И после всего этого обвинение позволяет себе укорять русское православное духовенство в создании Бейлисовского процесса.

"Я счастлив, - сказал защитник, - что в этот исторический, глубоко скорбный для русского духовенства момент я, еврей, могу засвидетельствовать перед всем миром то чувство искренней благодарности, которую питает, я уверен в этом, весь еврейский народ к русскому православному духовенству за проявленное им в свое время отношение к делу Бейлиса."

Среди обвиняемых сильное волнение. Привлеченные к делу профессора Духовной академии и многие из обвиняемых духовных лиц не могут сдерживать слезы.

После некоторого перерыва защитник продолжил свою речь.

Он объявил, что отныне защита строго замкнется в рамки дела, дабы не дать возможности обвинению искусственными приемами прикрыть полную фактическую необоснованность данного процесса.

Охарактеризовав самую "технику" создания настоящего дела посредством чисто механического соединения отдельных производств и протоколов, ни по содержанию, ни по времени событий не имеющих ничего общего, Гурович восстановил со всеми подробностями историю возникновения дела.

Он обрисовал все прошлое Митрополита, указав на те черты его характера и

деятельности, которые уже известны читателям. "Одна из местных газет, - сказал он, между прочим, - выразилась о Митрополите (повидимому, желая его уязвить), что он производит впечатление "обыкновенного сельского попа". В этих словах есть правда. Митрополит совсем не великолепный "князь церкви", каким его усиленно желает изобразить обвинение. Он смиренный, простой, кроткий пастырь верующих душ, но в этой его простоте и смиренности - его огромная моральная сила, его неотразимое обаяние. Перед нравственной красотой этой ясной души не могут не преклониться даже его враги. Допрос его трибуналом у всех в памяти. Ни для кого не секрет, что, в сущности, в тяжелые часы этого допроса, дальнейшая участь Митрополита зависела от него самого. Стоило ему чуть-чуть поддаться соблазну, признать хоть немного из того, что так жаждало установить обвинение, и Митрополит был бы спасен. Он не пошел на это. Спокойно, без вызова, без рисовки он отказался от такого спасения. Многие ли из здесь присутствующих, - я говорю, конечно, о людях на него нападающих, - способны на такой подвиг? Вы можете уничтожить Митрополита, но не в ваших силах отказать ему в мужестве и высоком благородстве мысли и поступков".

Далее Гурович очертил деятельность петроградского Общества православных приходов, положение местного духовенства, настроение верующих масс... Особенно подробно остановился защитник на главарях "живой церкви", в которых он усматривал истинных виновников и творцов настоящего дела. Он предсказывал, что советская власть рано или поздно разочаруется в этих - ныне пользующихся усиленным фавором - людях. Создаваемая ими "секта" не будет иметь успеха - это можно сказать наверное. Слабость ее не только в отсутствии каких-либо корней в верующем населении и не в неприемлемости тех или иных ее тезисов. В истории бывали примеры, что и безумные, в сущности, идеи и секты имели успех, иногда даже продолжительный. Но для этого необходимо одно условие. "Секта" всегда представляет в начале своего возникновения оппозицию, меньшинство, и притом, гонимую большинством. Героическое сопротивление большинству, власти, насилию, часто увлекает массу на сторону сектантов "бунтарей". В настоящем случае далеко не то. За "живую церковь" стоит, очевидно для всех, гражданская, советская

власть со всеми имеющимися в ее распоряжении скорпионами и принудительными аппаратами. Принуждение не создает и не уничтожает убеждений. "Церковная революция", происшедшая с разрешения и при благоволении атеистического "начальства", искренних христиан, даже из фрондирующих, привлечь не может. Народ может еще поверить богатому и властному Савлу, после того как он, превратившись в Павла, по своей охоте, променяет богатство и положение на рубище нищего, на тюрьму и муки гонения. Обратные превращения не только не создают популярности, но заклеиваются соответствующим образом. Люди, ушедшие из стана погибающих в лагерь ликующих, да еще готовящие узы и смерть своим недавним братьям, - кто пойдет за ними из истинно верующих.

Нет не сбудутся ожидания, возлагаемые советской властью на нового "союзника".

Обращаясь к самой постановке обвинения, защитник нашел, что таковая не заслуживает серьезной критики. Формулировка обвинения была бы прямо анекдотичной, если бы за ней не вырисовывались трагические перспективы.

Митрополиту вменяют в вину факт ведения им переговоров с советской властью на предмет "отмены или смягчения декретов об изъятии церковных ценностей". Но если это - преступление, то подумали ли обвинители, какую они роль должны отвести при этом Петроградскому совету, по почину которого эти переговоры начались, по желанию которого продолжались и к удовольствию коего закончились?

Как обстоит дело в отношении доказательств? Было бы, разумеется, совершенно нелепо говорить о доказательствах той сплошной фантастики, которой переполнены и обвинительный акт, и речи обвинителей, по поводу "всемирного заговора" с участием в нем Митрополита и других подсудимых. Впрочем, не больше доказательств и в другой, стремящейся быть конкретной, части обвинения - относящейся к возбуждению, будто бы, Митрополитом верующего населения против советской власти.

В чем усматриваются доказательства этого деяния? Единственно в том, что, будто, Митрополит через близких ему лиц распространял в народе написанные на пишущей машинке копии своих заявлений в Помгол.

Защита отрицает самый факт подобного распространения. Нет надобности говорить о том, что ни по форме, ни по содержанию означенные заявления совершенно не со-

ответствуют понятию о воззваниях духовного пастыря к пастве. Но, независимо от этого, против этого обвинения - неумолимая действительность и логика событий. Защита представила ряд номеров советских газет, из которых видно, что еще до изъятия, а также и во время такового, заявления Митрополита в Помголе неоднократно оглашались советской печатью. Следовательно, сама же советская печать способствовала тому, что десятки тысяч экземпляров заявлений Митрополита проникли в народные массы. Какое же значение и цель - сравнительно с таким массовым распространением - могли иметь несколько десятков копий, сделанных на пишущей машинке (самое большое 100-150 копий, по предположению обвинения). При данных обстоятельствах предъявлять Митрополиту подобное обвинение - не равносильно ли обвинению кого-либо в том, что он, желая способствовать распространению огня, уже охватившего со всех сторон огромное здание, бросил в пламя... горящую спичку, или, с преступной целью усилить наводнение, приблизился к несущимся навстречу бурным волнам и... выплеснул в них стакан воды?

Все такие "данные", представленные обвинителями, свидетельствуют, в сущности, лишь об одном: что обвинение, как таковое, не имеет под собой никакой почвы. Это ясно для всех. Но весь ужас положения заключается в том, что этому сознанию далеко не соответствует уверенность в оправдании, как должно было бы быть.

Наоборот: все более и более нарастает неодолимое предчувствие, что несмотря на фактический крах обвинения, некоторые подсудимые - и в том числе Митрополит - погибли. Во мраке, окутывающем закулисную сторону дела, явственно виднеется разверстая пропасть, к которой "кем-то" неумолимо подталкиваются подсудимые... Это видение мрачно и властно царит над внешними судебными формами происходящего процесса, и никого эти формы обмануть не могут.

В заключение Я. С. Гурович сказал, приблизительно, следующее: Чем кончится это дело? Что скажет когда-нибудь о нем беспристрастная история?

"История скажет, что весной 1922 г. в Петрограде было проведено изъятие церковных ценностей, что, согласно донесениям ответственных представителей советской администрации, оно прошло в общем "блестяще" и без сколько-нибудь серьезных столкновений с верующими массами".

"Что скажет далее историк, установив этот неоспоримый факт? Скажет ли он, что несмотря на это и к негодованию всего цивилизованного мира, сов. власть нашла необходимым расстрелять Вениамина, Митрополита Петроградского, и некоторых лиц? - Это зависит от вашего приговора".

"Вы скажете мне, что для вас безразличны и мнения современников и вердикт истории. Сказать это нетрудно, - но создать в себе действительно равнодушие в этом отношении невозможно. И я хочу уповать на эту невозможность".

"Я не прошу и не 'умоляю' вас ни о чем. Я знаю, что всякие просьбы, слезы не имеют для вас значения, - знаю, что для вас в этом процессе на первом плане вопрос политический, и что принцип беспристрастия объявлен неприменимым к вашим приговорам. Выгода, или невыгода для советской власти. - Вот какая альтернатива должна определять ваши приговоры. Если ради торжества советской власти нужно 'устранить' подсудимаго, - он погиб, даже независимо от объективной оценки предъявленного ему обвинения. Да, я знаю, таков лозунг. Но решитесь ли вы его провести в жизнь в этом огромном по значению деле? Решитесь ли вы признать этим самым пред лицом всего мира, что этот 'судебный процесс' является лишь каким-то кошмарным лицедейством? Мы увидим..."

"Вы должны стремиться соблюсти в этом процессе выгоду для сов. власти. Во всяком случае, смотрите, не ошибитесь... Если Митрополит погибнет за свою веру, за свою безграничную преданность верующим массам, - он станет опаснее для советской власти, чем теперь... Непреложный закон исторический предостерегает вас, что на крови мучеников растет, крепнет и возмечивается вера..."

"Остановитесь над этим, подумайте, и... не творите мучеников..."

Само собой разумеется, что нами приведен лишь весьма краткий (по необходимости) очерк речи защитника.

В связи с речью Я. С. Гуровича нужно отметить одно обстоятельство, весьма показательное для характеристики настроения, вызванного процессом в среде не только верующих, но и коммунистов, - сравнительно, низших рангов, разумеется.

Ввиду аплодисментов, сопровождавших кровавые 'рефрены' Смирнова - защита опасалась контрманифестации, со стороны настоящей, 'вольной' публики... Поэтому, еще до своих речей, защитники 'агитировали' среди публики, прося ее воздержаться от

всяких внешних проявлений своих чувств, в интересах как подсудимых, так и самой публики, могущей подвергнуться всяким репрессиям.

Я. С. Гурович счел даже необходимым в своей речи предупредить еще раз публику о том же, указав, между прочим, в своем выступлении, что он просит и надеется на то, что все - и враги, и друзья - его выслушают со вниманием и, главное, в должном спокойствии. "Не забывайте, - прибавил он, - что я говорю от лица человека, который, может быть, обречен на смерть; а слова умирающего должны быть выслушиваемы в благоговейной тишине."

Но столь долго и насильно сдерживаемое настроение публики, все-таки прорвалось, и этот момент совпал с окончанием речи. Я. С. Гуровича, которая была покрыта долго не смолкавшими аплодисментами. Трибунал заволновался, хотел было "принять меры", но оказалось, что в аплодисментах приняли живейшее участие... многочисленные коммунисты, занявшие часть зала. Столь неожиданный состав аплодировавших объясняется тем, что рядовые, "массовые", коммунисты глубоко не сочувствовали созданию данного процесса и, как выяснилось впоследствии, довольно откровенно выражали свое возмущение по этому поводу.

Не лишено также интереса отношение трибунала к речи защитника. Следует признать, что во время речи трибунал держал себя внешне корректно. Я. С. Гурович не был ни разу прерван (в общем, его объяснения в защиту Митрополита заняли свыше шести часов). Очевидно было даже, что трибунал слушает защитника с полным вниманием. Чем объясняется такое отношение трибунала? - Заранее ли принятым решением предоставить защитнику полную свободу объяснений, или же неожиданностью высказанной суровой правды, которую, вряд ли, часто приходится слышать сов. трибуналам, - судить не беремся. Публике даже казалось, что во время речи защитника, трибунал иногда, как будто, проявлял признаки сочувственного волнения. Это не невозможно. Из живых людей, все-таки, очень трудно сделать совершенных манекенов, как ни стараются большевики. В конце концов, члены трибунала сотворили, конечно, волю пославших их, но быть может, не без некоторой горечи в душе.

IX.

Судебные прения окончились. Очередь - за последним словом подсудимых.

Председатель делает распоряжение о прекращении с этого момента стенографирования процесса. Цель этого характерного распоряжения весьма понятна. Большевики не желают закрепления и распространения в населении тех речей, которые произнесут подсудимые в эти трагические минуты...

"Подсудимый Василий Казанский, - обращается председатель к Митрополиту, - Вам принадлежит последнее слово."

Митрополит, не спеша, встает. Четко вырисовывается его высокая фигура. В зале - все замерло.

Вначале Митрополит говорит, что из всего, что он услышал о себе на суде, на него наиболее удручающе подействовало то, что обвинители называют его "врагом народа". - "Я верный сын своего народа, я люблю и всегда любил его. Я жизнь ему свою отдал, и я счастлив тем, что народ - вернее, простой народ - платил мне тою же любовью, и он же поставил меня на то место, которое я занимаю в Православной Церкви."

Это было все, что Митрополит сказал о себе в своем "последнем слове". Остальное, довольно продолжительное, время своей речи он посвятил исключительно соображениям и объяснениям в защиту некоторых подсудимых, ссылаясь на документы и иные данные и обнаружив при этом большую память, последовательность и невозмутимое спокойствие. Одно из его утверждений представлялось, как он сам это признал, не доказанным. По этому поводу он заметил, со свойственной ему тихой улыбкой: "Думаю, что, в этом отношении, вы мне поверите без доказательств. Ведь, я, по всей вероятности, говорю сейчас публично в последний раз в своей жизни; человеку же, находящемуся в таком положении, принято верить на слово."

Момент был, воистину, потрясающий и незабываемый. Всем была ясна огромная нравственная мощь этого человека, который в такую минуту, забывая о себе, думает только о несчастьи других и стремится им помочь.

Среди наступившей за заключительными словами Митрополита благоговейной тишины, раздался голос председателя, - голос, в котором, как будто, прозвучала какая-то доселе ему несвойственная мягкая нота: "Вы все говорили о других; трибуналу желательно знать, что же вы скажете о самом себе." Митрополит, который уже сел, вновь приподнялся и, с некоторым недоумением посмотрел на председателя, тихо, но отчетливо сказал: "О себе? Что же я могу вам о себе еще сказать? Разве лишь одно... Я не

знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре - жизнь или смерть, - но, что бы вы в нем ни провозгласили, я с одинаковым благоговением обращу свои очи горе, возложу на себя крестное знамение (при этом Митрополит широко перекрестился) и скажу: слава Тебе, Господи Боже, за все..."

Таково было последнее слово Митрополита Вениамина.

Передать настроение, охватившее публику, - невозможно. Иное легче пережить, чем описать.

Трибунал сделал перерыв. Затем объяснения подсудимых продолжались. Профессор Ю. П. Новицкий был очень краток. Он указал, что привлечение его к делу объясняется лишь тем, что он состоял председателем Правления О-ва объединения православных приходов. В приписываемых же ему деяниях он совершенно не повинен. Но если сов. власти нужна в этом деле жертва, он готов без ропота встретить смерть, прося лишь о том, чтобы сов. власть этим и ограничилась и пощадила остальных привлеченных.

И. М. Ковшаров заявил, что он знает, какая участь его ожидает. Если он давал объяснения в свою защиту, то только ради того, чтобы закрепить в общественном сознании, что он умирает невиновным.

Сильное впечатление произвело последнее слово архимандрита Сергия. Он нарисовал картину аскетической жизни монаха и указал на то, что, отрешившись от всех переживаний и тревог внешнего мира, отдавши себя целиком религиозному созерцанию и молитве, - он одной лишь слабой физической нитью привязан к сей жизни. "Неужели же, - сказал он, - трибунал думает, что разрыв и этой последней нити может быть для меня страшен. Делайте свое дело. Я жалею вас и молюсь о вас."

Объяснения остальных подсудимых особого интереса не представляли. Большинство заявило, что ничего прибавить к речам защиты не имеет.

Председатель объявил, что приговор будет объявлен завтра (в среду 5 июля) вечером.

Ко времени объявления приговора зал был почти пуст. Обыкновенной публики не пускали. Зато хоры были переполнены красноармейцами.

В 9 часов вечера трибунал вышел, и председатель огласил приговор.

Были присуждены к расстрелу десять лиц: Митрополит Вениамин, архимандрит Сергий, Ю. П. Новицкий, И. М. Ковшаров, епископ Венедикт, Н. К. Чуков (настоятель Казанского

собора и ректор богословского института), Л. К. Богоявленский (настоятель Исаакиевского собора), М. П. Чельцов (протоиерей), Н. Ф. Огнев (профессор Военно-юридической академии) и Н. А. Елачич (б. пом. статс-секр. государственного Совета). Остальные обвиняемые были приговорены к тюремному заключению на разные сроки, - с "изоляцией" и без таковой. Значительная часть подсудимых (главным образом, из уличной толпы) была оправдана.

"Хоры" приветствовали приговор аплодисментами. На подсудимых, их защитников и сумевших проникнуть в зал немногих лиц из публики приговор особого впечатления не произвел.

Многие знали его содержание уже за много дней и были к нему подготовлены.

Потянулись томительные дни. Кассационные жалобы, поездки в Москву, хлопоты, ходатайства перед ВЦИКом (Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом) о помиловании.

Предвестником окончательного результата был омерзительный длинный пасквиль Красникова, появившийся в московских "Известиях", - в котором этот быв. присяжный поверенный наносил последний удар в спину беззащитным и беспомощным осужденным, доказывая, что о помиловании первых четырех приговоренных к расстрелу, не может быть и речи. Президиум ВЦИКа так и постановил, заменив только последним шести подсудимым расстрел - долгосрочным тюремным заключением (еп. Венедикту, Чукову, Богоявленскому, Чельцову, Огневу и Елачину).

В понедельник 14 августа 1922 г. лицам, явившимся в дом предварительного заключения для обычной передачи пищи Митрополиту, отцу Сергию, Новицкому и Ковшарову, было объявлено, что эти заключенные "потребованы и уже отправлены в Москву". Люди, знающие большевицкий условный жаргон, поняли в чем дело...

В ночь с 12 на 13 августа Митрополит, о. Сергей, Новицкий и Ковшаров были увезены из тюрьмы и расстреляны в нескольких верстах от Петрограда.

Имеются некоторые сведения (сообщенные при обстановке, гарантирующей их достоверность) о последних минутах расстрелянных...

Новицкий плакал. Его угнетала мысль о том, что он оставляет круглой сиротой свою единственную 15-летнюю дочь. Он просил передать ей на память прядь волос и серебряные часы.

О. Сергей громко молился: "Прости им, Боже, - не ведают бо, что творят."

Ковшаров издевался над палачами.

Митрополит шел на смерть спокойно, тихо шепча молитву и крестясь. Так умерли эти люди.

Опасаясь возбуждения петроградских рабочих масс, вызванного приговором, большевики не решились объявить расстрел Митрополита в Петрограде и распустили слух, что Митрополит увезен в Москву. По другим данным, православные мученики были отвезены на ст. Пороховые по Ириновской ж.д. и там расстреляны.

Предварительно все были обрты и одеты в лохмотья, чтобы нельзя было узнать, что расстреливают духовенство.

Население долго не хотело верить смерти Митрополита. По этому поводу создавались разные легенды. Утверждали, между прочим, что большевики где-то тайно заточили Митрополита. Возникновению этих слухов способствовало и отсутствие официального сообщения о том, что приговор "приведен в исполнение". Впрочем, в этих легендах (говорят и поныне держащихся) есть некая частица истины, как почти во всех народных преданиях: физически Митрополит Вениамин убит - в этом, к несчастью, нет сомнения - но в сердце народном его светлый образ навсегда останется живым...

Конец

Наш "Вестник" является официальным органом Германской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей. Редакторы "Вестника" стараются по совести высказывать мысли согласные с учением Святой Православной Церкви и нашей иерархии. Однако, при всем старании авторов, иногда могут допускаться ошибки. Ответственность за такие ошибки ложится исключительно на авторов статей и на редакторов "Вестника", но ни в коем случае не на Архиерейский Синод или Епархиальное Управление, которые неведут предварительной цензуры, и не могут знать заранее, где и что будет напечатано.

"Вестник" распространяется даром. Он издается трудом и изданием братства Преп. Иова в Мюнхене. Всех заинтересованных в его существовании и распространении мы просим жертвовать на счет Епархии с соответствующим указанием на переводе. Малые пожертвования возможны в форме марок.

Счет Монастыря:

PSCHA München Konto Nr. 53031-801

Адрес Редакции:

Vestnik

Kloster d. Hl. Hiob von Počaev

Schirmerweg 78

8000 München 60

Tel. (089) 834 89 59

Fax: (089) 88 67 77

Молодежный Съезд

С 26 по 28 декабря н. ст.
в обители преп. Иова Почаевского в Мюнхене
состоится православный молодежный съезд.

Главная тема съезда:

Святость и святые в нашей Церкви и вопросы из современной церковной жизни.

Предвидятся следующие доклады:

Святость и святые

(Епископ Марк и священник Николай Артемов).

Святые Русской Церкви

(послушник Евгений).

Православие—Римо—католичество и Уния

(диакон Герман Иванов—Тринадцатый).

Предполагается оставить достаточно времени
для обширного обсуждения всех докладов.

Расписание съезда будет заблаговременно разослано по приходам.

Съезд начинается 26-го в обед и кончается 28-го под вечер.

Приезжие будут устроены у прихожан.

Все доклады и прения будут проходить на двух языках.

Желающих принять участие в съезде просим записываться по адресу
монастыря:

Schirmerweg 78, 8000 - München 60. Tel. (089) 834 89 59

